

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ФАРШ МЕНДЕЛЬСОНА

Анастасия Монастырская

Любимый детектив

Анастасия Монастырская
Фарш Мендельсона

«ВЕЧЕ»

2017

Монастырская А. А.

Фарш Мендельсона / А. А. Монастырская — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7525-2

Стефании Ивановой – главной героине многих иронических детективов популярной петербургской писательницы Анастасии Монастырской – нет покоя. Ее первый муж приехал из-за границы и был убит. Таинственный Доктор смерть угрожает Стефании и всем ее домочадцам. Похоже, все дело в кольце, которое экс-супруг привез Эфе в подарок и которое исчезло после его гибели. Непростой камешек был в кольце: легендарный изумруд самой Лукреции Борджа! Чтобы успеть спасти родных, у Стефании есть только один выход – опередить неведомого врага и найти роковой камень раньше.

ISBN 978-5-4484-7525-2

© Монастырская А. А., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анастасия Монастырская Фарш Мендельсона

© Монастырская А.А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Кто знает меру – не знает разочарований.

Кто ведает предел – не ведает поражений

Лао-Цзы

Глава 1

Уезжать в дождь – хорошая примета. А возвращаться? Я стояла в аэропорту Пулково и терпеливо ждала, когда закончится летний питерский ливень. Торопиться некуда, а, если вдуматься, то и незачем. Позади – солнце и Средиземное море, впереди – смерть, с ее извечным вопросом «Почему это случилось именно сейчас?». Так что дождь оказался на руку, разграничив два цвета времени: вчерашний яркий глянец и нынешние черные будни. Сама я оказалась строго посредине. Межвременье. Стоит сделать шаг вперед, как мой восхитительный отпуск навсегда останется в прошлом, а ему на смену придет ощущение необратимости и бессмыслицы происходящего. Смерть – единственное в жизни, что невозможно изменить. Тем более, смерть близкого человека.

Именно шаг вперед мне пока не давался. Дождь давал пусть временную, но столь необходимую отсрочку. Я по-прежнему пребывала в уверенности, что все случившееся – дурной сон. Пройдет немного времени, я открою глаза и вновь проснусь на золотом песке, где до этого меня убаюкал теплый прибой. Увы, золотой песок остался в прошлом. Я давно поняла: именно такие сны обычно и становятся кошмарной реальностью.

Пора сделать вдох, набраться мужества и признать неоспоримый факт: моего мужа больше нет в живых. Моего первого мужа. Моего бывшего мужа. Со статусом экс-жены я давно смирилась и даже научилась получать от нашего разрыва удовольствие, но увидеть Ваньку Иванова мертвым – данный факт разум пока что отказывался принять.

Как обычно пишут в любовных романах? «Вначале была встреча, изменившая всю ее жизнь. Она увидела его, он увидел ее. Они полюбили друг друга и жили долго и счастливо, и умерли в один день». Примерно так. Встреча с Ивановым оказалась совсем из другой оперы. Это документальный роман с очень печальным финалом. По меткому выражению классика, знакомство с Ивановым меня перепахало. Вдоль и поперек. Благодаря этому роковому событию судьба пустилась во все тяжкие: сделала себе пластическую операцию, набралась дурных привычек и записалась в неисправимые циники. Я даже не успела осознать, как из скромной преподавательницы зарубежной литературы Стефании Ивановой (дамы скромной и приятной во всех отношениях) превратилась в Эфу – ядовитую стерву, а по совместительству декана института культурных отношений. Правда, по мнению некоторых знакомых, даже столь кардинальное изменение социального статуса по-прежнему позволяет мне оставаться дамой, приятной во всех отношениях. Хотя лично я ничего приятного в себе не нахожу. Характер отвратительный, внешность так себе, единственное, чем могу похвастаться – чувство юмора, исключительно в черных тонах.

Со дня знакомства с Ивановым прошло несколько лет, а я успела обрасти кучей родственников (все они – фамильное наследство моих трех мужей); обрести финансовое благополучие (опять же спасибо первому, второму и третьему экс-супругам); и, наконец, пришла к выводу, что все зло для женщины скрывается в марше Мендельсона. Именно с него и начинаются наши мелкие, а затем и крупные беды. Поначалу ты просто мечтаешь о свадьбе, потом сдуру выходит замуж, а после годами проклинаешь день, когда набралась решимости и потащила своего ненаглядного в загс, чтобы узаконить ваши отношения. Ну и как, узаконила? Он получил права, ты обязанности. Причем права и обязанности растут в геометрической прогрессии. Через несколько лет счастливого супружества с завистью смотришь на одиноких подруг и мечтаешь о разводе. Ха-ха! Какой, спрашивается, может быть развод при совместном хозяйстве, детях и общих знакомых?! Вот и приходится мучиться, пока смерть не разлучит их. Зачем женщине выходить замуж, если она и так решает все свои проблемы сама? Из любой проблемы мужчина стремится сделать подвиг. Скажем, надо женщине вбить гвоздь в стену. Стенки в большинстве домов, как известно, железобетонные. Значит, простой молоток не поможет.

Разумеется, если у женщины есть под боком мужчина, она попросит его помочь. Что он сделает в свою очередь? Подойдет к решению проблемы глобально: сначала найдет в Интернете всю информацию по поводу стен, гвоздей, ознакомится с технологией проделывания дырок в стене и так далее. Через две недели он проанализирует полученную информацию и наметит оптимальные пути ее решения. А еще через две недели обнаружит, что гвоздь забит. И устроит по этому поводу скандал. «Как тебе это удалось? Где ты взяла дрель? Почему ты обратилась к чужому мужчине, если я занимаюсь проблемой?». Потому что ей нужен этот гвоздь здесь и сейчас. А не через полгода. И так происходит во всем. Женщина намного быстрее и эффективнее справляется с трудностями, в то время, как мужчина лежит на диване и жалуется на творческий кризис и служебные конфликты. Вот и возникает вопрос, зачем ей выходить замуж, если практической пользы замужество все равно не принесет? Секс? Так она может заниматься сексом и без штампа в паспорте. Ребенок? А кто мешает ей рожать? Все равно весь воз проблем придется тащить на себе.

Лично я придерживаюсь народного постулата «бог троицу любит». Так что в четвертый раз маршируя Мендельсона меня вряд ли соблазнишь. На антресолях пылятся мечты о белом платье, семейном отдыхе и традиционном сексе перед сном. В душе появилась первая рассада феминизма. Еще немного – и я, пожалуй, запишуся в их ряды. Женщине – личную свободу и равные права с мужчиной! Тьфу! Что за ерунда лезет в голову? Забавно, но даже в том, что я постепенно становлюсь феминисткой, виноват опять Иванов. Моя вечная заноза в сердце.

Мне казалось, что я была очень в него влюблена. Только потом поняла: Иванов, как и большинство слабых, увлекающихся мужчин все эти годы спокойно паразитировал на мне. Впрочем, как второй и третий муж. Наверное, инстинктивно я выбираю слабых мужчин. Потому что с сильным и уверенным в себе могу не справиться. (Отдельно спасибо отцам психоанализа за то, что я способна рассуждать на столь сложные и парадоксальные темы.)

Мы разводились с Ванькой в такой же дождливый летний день. Детей не нажили, совместного имущества тоже, так что развели нас в загсе быстро и, надо сказать, весьма неинтересно. Без скандалов, слез и царапанья лиц. Штамп, штамп и готово! Вы свободны! Поздравляем! Следующий! То ли дело другие пары: какие драмы разворачивались в коридорах. Женщины валялись в ногах у мужчин, мужчины разыгрывали из себя Отелло, дети визжали и умоляли купить им мороженое, пока у родителей еще общий семейный бюджет («Потом у папки точно ничего не допросишься!»). Счастливые супружеские пары, только что переступившие порог ада, нежно лобызались под крики «Горько!». На этом фоне мы с Ивановым смотрелись бледновато и невыигрышно. От чего оба немного рефлексировали.

Когда же вышли из здания, где регистрируют общественное и личное счастье, мгновенно промокли до нитки, попав под теплый ливень. Иванов пригласил к себе: погреться и обсудиться, а заодно как следует отпраздновать наступление долгожданной свободы. Выражение «долгожданная свобода» меня возмутило, и я отказалась от приглашения. Бывшему пришлось довольствоваться посещением заведения, которое он условно называл «что-то типа кафе»:

– Ты, Эфка, главное, не плачь. Жизнь со мной, конечно, не облагораживает, но зато закаляет, – разливался он соловьем в ближайшей распивочной, приняв на грудь двести граммов «беленькой». – После меня у тебя с любым мужиком дело на лад пойдет. Гарантия!

Я обиделась:

– Значит, ты у нас как экспериментальная модель: налаживаешь чувствительный женский организм, а после сваливаешь, так?

– Ага! Умная ты у меня баба, не пойму, и зачем я с тобой развелся? – пригорюнился он на секунду. Но проглотив еще сто граммов, воспрянул духом: – Слушай, а давай, как в старые добрые времена опять начнем встречаться. В кино ходить, по выходным в постели кувыркаться. Глядишь, и я опять на тебе женюсь.

Ну уж нет! Предложение Иванова пришлось вежливо, но твердо отклонить. Тем более, что дома томились его ближайшие родственники – дедушка Карл и бабушка Клара, оставленные мне бывшим мужем на постоянное попечение.

Вообще в выражении «бывший» есть что-то непристойное: еще вчера ты с этим человеком делила крышу, постель и санузел, сегодня ты с огромным облегчением выбрасываешь общие воспоминания на помойку. И не дай бог, кому-нибудь эти воспоминания реанимировать. Есть женщины, которые после развода не могут слышать имени своего экс-супруга. Моя приятельница Лялька, разведясь с мужем Олегом, вычеркнула из круга своих знакомых всех мужчин с таким же именем. А потом была вынуждена сменить работу, потому как ее нового босса звали так же, как и бывшего супруга. Босс пытался удержать ценного сотрудника, соблазнял заграничными командировками и ежемесячными премиями, но Лялька уперлась: уйду и все. Без объяснений. Теперь, кстати, очень о том решении жалеет. Найти в наши дни хорошую работу не так уж и просто. А уж найти хорошего начальника и вовсе нереально. Такой, чтобы зарплату, и заграничные командировки, и ежемесячные премии.

Мужчины в вопросе имен, напротив, проявляют завидное постоянство: знаю нескольких российских мачо с брюшками, у которых жен зовут одинаково. Как-то я даже поинтересовалась: зачем? Ответ лежал на поверхности: чтоб не путаться. Некоторые поступают еще проще: придумывают ласковое прозвище (рыбка, солнышко, котенок) и награждают им каждую последующую пассию, вне зависимости от того, жена она или любовница. Посмотришь иногда на котенка весом в центнер и диву даешься: мужская душа – потемки.

Ну да, я отвлеклась. Вернемся к Иванову. В следующий раз мы повстречались, когда я была замужем за Петкой Петровым, а Ванька находился в очередном поиске смысла жизни. Если быть совсем точной, он искал сокровища, о чем хвастался каждому встречному. Я также не стала исключением.

– Эфка! Ты баба умная, поэтому беру тебя в дело! – Иванов развернул замусоленную карту и показал на кривые красные кресты, расставленные по всему Невскому проспекту, отчего главная городская магистраль выглядела довольно специфично.

– И кто это у нас вдоль дороги с косами стоит?

– Опять смеешься, змея! Ты только взглянись: это же места предполагаемых сокровищ. Видишь сколько их? Масса! Когда белогвардейская контра бежала из города, она прятала деньги и ценности в стенах своих квартир. Поняла?

Чего уж тут не понять? В Петербурге время от времени появляются подобные кладоискатели. Под разными предлогами они проникают в старые квартиры, в стенах которых якобы скрываются невиданные сокровища. Однако найти ценности суждено лишь единицам. На своей памяти знаю только два таких случая: сверток с золотыми монетами в нише стены и шкатулку с драгоценностями в старой печке с изразцами. Все это торжественно передали в фонд государства. Хотя, скорей всего, в природе встречаются и более удачливые кладоискатели, предпочитающие не распространяться о своих находках.

– Откуда сведения, Иванов?

– Как откуда? Из архивов. Я полгода над этим планом работал. Все газеты прошерстил.

Как ребенок, ей-богу! Если у нас кто и верил печатному слову, так это Иванов. Не менее десяти изданий по подписке, еще столько же покупал в газетных киосках. Особенno Ванька любил «желтую» прессу, которую прочитывал от корки до корки. Наиболее понравившиеся публикации вклеивал в большую бухгалтерскую тетрадь. Затем анализировал прочитанное. За годы подобной работы с источниками у него скопилось около двух сотен таких тетрадей: факт, раздражавший меня безмерно. Выбрасывать накопленное «богатство» Иванов запрещал под страхом смертной казни. Полученную информацию применял на практике. Помнится, был период, когда Ванька искал вампиров, оборотней, золото партии и вот теперь переключился на фамильные бриллианты.

Присоединиться к охотникам за истинно петербургскими сокровищами Ванька уговаривал меня долго. Целых двадцать минут. Но и это лестное предложение я, подумав, отвергла. Брызгаться в квартиры мирных граждан с вопросом: «Вы не против, если мы тут у вас стеночку по кирпичикам разберем, а затем обратно ее сложим?» – затея не для меня. На том и расстались: я побежала к тоскующему без любви и обеда Петрову, он отправился на поиски клада. При этом не забыл взять у меня денег в долг. На технические расходы. Долг, кстати сказать, он так и не вернул.

Когда я рассталась с Петровым и увлеклась Сидоровым, Ванька пришел к нам в гости: поцеловал бабулю; пожал руку деду; познакомился с тетей Соней и дядей Фимой (наследство, доставшееся от супруга номер два):

– Нормально живете! – изрек он, оглядывая нашу комнатушку в коммунальной квартире. – Чистенько, уютно. Вижу, Эфа, что два брака пошли тебе на пользу. По крайней мере убирать места общего пользования ты уже умеешь (вот сволочь!). А я скоро уезжаю. Наверное, навсегда.

– Никогда не говори никогда, навсегда и быть может. – Известие не очень огорчило: одним мужиком в моей жизни станет меньше. А вот его родичи не на шутку расстроились:

– Куда уезжаешь, Ванечка? – вскинулись старички.

– В Канаду. Всю жизнь мечтал попробовать кленовый сироп и праздновать день Святого Патрика.

– Стоит ради этого уезжать, – пробормотала я, выжимая грязную половую тряпку в грязное же ведро. – У нас кленов – завались. Собери листьев, свари сироп и наслаждайся жизнью хоть все 365 дней в году. То же касается дня Святого Патрика: кто тебе мешает праздновать здесь? Выкраси лицо зеленкой и отправляйся в ближайший пивной бар. Какие проблемы?

– Наконец я понял, почему с тобой развелся! – торжествующе заявил Ванька, прошлепав по вымытому полу грязными ботинками. – В тебе нет романтики. А человек без романтики – мертв. Это еще Ницше говорил.

– Не клевещи на классика. Такого он не говорил, – пропыхтела я, заново драя пол. – Про человека, который животное, говорил. А про романтику нет.

– Может, и не говорил, – на удивление покорно согласился Иванов. – Зато о женщинах он всегда отзывался крайне негативно. Женщина – существо приземленное, не способное оценить чувственные порывы и романтические настроения истинного мужчины.

– Кто бы говорил! Истинный мужчина, надо полагать, это ты? А приземленное существо – я?

– Зачем воспринимать приведенный афоризм столь буквально?

– Ноги подними! – я ожесточенно драила пол. – Затем, что вы без нас и дня не проживете. Покорми, постирай, убери, в постели уложи. А потом насчет себя любимой упреки выслушай и с ними согласись. Разве это жизнь?

– Да ты феминистка! – изумился Иванов. – Не ожидал! Между прочим, любая феминистка – рассадник моральной смуты. Смотри, у таких, как ты, Эфа, личная жизнь никогда не складывается. Думаешь, почему мы разошлись? Потому что ты подавляла мое внутреннее это.

Чуть было не стукнула по его внешнему это. Видали! Пришел в чужой дом, наворачивает борщ, который я сварила на три дня (без учета голодного Иванова), добавляет в него рыночную сметану (купленную на мои деньги) и рассуждает о личной жизни женщины, которая не имеет к нему никакого отношения. Я уже собиралась разъяснить Иванову, почему его моя личная жизнь теперь не касается, как в спор вмешалась Клара:

– Ванечка, может, ну ее, эту романтику? Жил ты здесь и дальше проживешь, – прошептала бабуля, схватившись за сердце. – Пропадешь ты в этой Канаде! Как же мы без тебя?

– У вас Эфа есть, – сказал, как отрезал. – Она обо всем позаботится. Не пропаду. Я еще вас к себе перевезу в огромный дом с окнами на море. А вот тебя, Эфка, не возьму.

– Да я и сама к тебе не поеду. Ты же жрешь как голодный крокодил: глотаешь все, что видишь, и не пережевываешь. На тебя продуктов не напасешься. Положь сметану, не для тебя куплена!

Иванов обиделся:

– Ведь мы же интеллигентные люди, расстались по-хорошему. А ты боянишь. – И затем виновато уточнил:

– Эфа, надеюсь, ты меня в аэропорт проводишь? Все-таки родину покидаю.

Конечно, я его проводила. Феминистка, как же! Дотащила на себе потертый чемодан со сломанной застежкой (зачем покупать новый, если этот еще вполне годится?); вручила пакет с домашними пирожками (будет, чем подкрепиться в дороге); пригладила взъерошенную шевелюру бывшего муженька и расчесала клочастую бороду (вдруг таможня такого не пропустит, возись с ним потом!). Вокруг нас крутились сомнительные личности, которых Ванька представил как своих лучших друзей. Личности шуршили пакетами, совали Ваньке записки в карман и брали с него страшные клятвы, что как только его нога вступит на канадскую землю, он обязательно позвонит Семену Степанычу (Анне Кирилловне, Михал Петровичу и так далее). Меня оттеснили в сторону, так что за сценой расставания я наблюдала со стороны. С каким-то товарищем Ванька поsekретничал минут десять, причем товарищ то и дело оглядывался на меня. Подозреваю, сколько гадостей бывший муженек наговорил про бывшую жену: мол, и готовить не умеет, и деревяшка в постели, и характер такой, что сразу вешайся. На прощание Ванька склонился в шутовском поклоне (дескать, простите, люди добрые, за все и не поминайте лихом), и отбыл в свою провинциальную Канаду, страну, где, по рассказам, очень синее небо, хотя с нашим его и не сравнить, впрочем, как и дожди, косые, разумеется...

По праздникам он присыпал копеечные открытки, иногда звонил, а потом ни с того ни с сего сделал мне денежный перевод на очень крупную сумму. И даже не в рублях. Одновременно так же поступили Петров и Сидоров, эмигрировавшие вслед за Ивановым. Один отправился покорять Лондон, другой Калифорнию. Дела у двух моих бывших также шли хорошо, вот они и решили, что надо помочь бедным родственникам, оставшимся в заложниках у Российского государства. Конечно, помочь была оказана в свободно конвертируемой валюте. Честно говоря, мы не особенно возражали. На тот момент деньги стали настоящим подарком судьбы.

На полученные средства я купила дом и перевезла туда многочисленную родню. После развода с Сидоровым членов семьи значительно прибавилось: мне пришлось заботиться о его законной жене Ольге и двух семилетних близнецах – Коле и Толе. Это, не считая старичков и тетки с дядей. Помимо них у нас проживают золотые пираньи, крокодил Гена и жаба мужского пола по имени Жбан. Как говорится, с нами не соскучишься! У нас весело...

...Было весело. Пока несколько дней назад не убили Ваньку Иванова, так некстати и не вовремя посетившего родные пенаты.

Дождь закончился. Вздохнув, я пошла на остановку такси, волоча за собой чемодан на колесиках. Колесики сломали еще по дороге в Грецию, так что теперь приходилось обходиться собственными силами. Чемодан был тяжелым. Ведь помимо собственного гардероба мне пришлось накупить подарков для всей семьи. Траур трауром, а без подарков не смей возвращаться. Иначе все обидятся.

Народ мгновенно рассосался по маршруткам, автобусам и личным авто. Свободных «такси» было хоть отбавляй. Поэтому я еще не успела сказать «Такси!», как уже сидела на заднем сиденье черной «Волги».

– Куда едем, девушка?

– В Колымяги.

– Хорошее место, – одобрил шофер. – Хлебное. Я туда часто езжу. Одного в аэропорт доставь, другого – домой из аэропорта, третьего – из кабака забери и не растряси на плохих дорогах. Что ж у вас дороги плохие? Скинулись бы всем поселком да и отремонтировали бы.

Всяко польза. Хотя на заказы не жалуюсь – с утра до вечера, то к вам, то от вас. Вечером подсчитаешь выручку – месяц можно жить.

– В Колымягах люди очень щедрые потому, как очень богатые, – поддерживать эту бесмысленную беседу не хотелось, но шофер жаждал общения. Тема «принц и нищий» ему явно пришла по вкусу. – Богатство делает человека добрым и сострадательным (он презрительно фыркнул в ответ). Вообще ученые доказали: чем больше у человека денег, тем ему проще быть щедрым.

– Врут ваши ученые. Они бы с моё поездили, сразу бы поняли, ху из кто в этом мире, – неожиданно разозлился мой собеседник. – Ишь ты, ученые! И откуда среди вашего брата столько скупердяев? Ума не приложу! Иной и за копейку готов удавиться. Счетчик тикает, а он с него глаз не сводит: вдруг обсчитаю. А чего мне, спрашивается, его обсчитывать? Я разве вор? Я – честный человек. Беру только те деньги, которые заработал.

Нет, лучше всего иметь дело с пьяными. Вот где щедрость! Видите, часы? – он потряс левой рукой, на которой красовался отличный швейцарский механизм. – Это мне на днях мужичок один подарил. Лицо, говорит, у вас располагает к доверию.

Я с сомнением взглянула на его физиономию, заросшую трехдневным мхом. Левый глаз заплыл, на руке подозрительная наколка. Впрочем, что мы знаем о доверии? К примеру, наша тетка Соня не доверяет очкарикам. Она уверена, что все, кто носит очки, потенциальные преступники и сволочи. Хороший человек не будет скрывать глаза за стеклами, пусть и прозрачными. Тезис о плохом зрении Сонька отмечает сразу: можно носить линзы, на худой конец, сделать операцию. Было бы желание. Из этого правила есть только два исключения: Карл и Клара. Им она доверяет безоговорочно. Мы прожили вместе достаточно, чтобы убедиться в благих намерениях по отношению друг к другу. Подозреваю, что и в аду мы окажемся все в той же веселой компании. Чертям на забаву.

Самое смешное, что в последнее время у Фимы, мужа Соньки, наметились проблемы со зрением. Доктор выписал очки, носить которые Фима боится. Ходит, щурится, но заветный футляр не вынимает. Сонька и так его уже обвинила во всех смертных грехах: от прелюбодеяния до чревоугодия. Очков их брак точно не выдержит. По секрету скажу, что сама я давно перешла на линзы после того, как тетка выбросила в мусорное ведро две пары дорогих очков. Никакие уговоры не действовали: «Ты слишком молода, чтобы ходить в этих страшных окулярах!» Пришлось изменить привычки, хотя без очков чувствуя себя разделой. Когда у тебя на лице «окуляры», ты словно отгораживаешься от мира. В линзах нет такого эффекта: глаза в постоянном напряжении, цвета намного резче. Поэтому, когда тетка ложится на очередную пластическую операцию, мы с Фимой становимся очкариками. А все из-за теткиного недоверия.

Задумавшись, не заметила, как мы проехали центр и устремились на север города. Водитель тем временем продолжал знакомить меня со своей личной философией. Оказалось, мы уже перешли на «ты»:

– Нашу щедрость с иностранной не сравнить, – шофер резко свернул влево, избежав тем самым столкновения с трамваем. – Иностранцы щедры по определению, поскольку выросли в нормальной человеческой среде. Для них наша коммуналка – кошмар во плоти. Ни один человек оттуда не поймет, как можно жить в коммунальной квартире, где кроме тебя обитают еще десять жильцов. Как минимум десять. Им не понять, а нам – в кайф! Я всю жизнь прожил в коммуналке и ни на что ее не променяю. Квартира в самом центре, коридор – что моя жизнь – такой же извилистый и темный. На кухне четыре холодильника и четыре плиты. На холодильниках замки. В ванной никто мыло не оставляет. В туалете четыре рулона туалетной бумаги. Сделал дело: поставь отметку, а то вдруг сосед воспользуется. По утрам – очередь в туалет и в ванную комнату. И ничего – живем! Без щедрости, но живем!

Вот этого за океаном и не понимают, понимаешь? Американцы без гуманитарной помощи просто жить не могут. Она у них в крови, эта гуманитарная помощь. Мы говорим: «Не нужен нам секонд-хэнд!» В ответ слышим: «Берите, берите, у нас еще есть». До того дело дошло, что в городе уже появился элитный секонд-хэнд. Ты только вдумайся: элитный! Будто мы нуждаемся в том, что есть у них?! Прикинь, они даже чаевых дают в два раза больше. Потому как в наших ценах не ориентируются. Называю сумму – не верят. Думают, что я скромницаю. Мол, национальная гордость не дает мне попросить больше. Что они знают о моей национальной гордости? Они ее видели? Щупали? Хотя и среди иностранцев встречаются исключения: все-таки приезжают к нам нормальные люди.

Вот скажем, неделю назад вез к вам в Колымаги такого интуриста. Пегий. Толстый. И с бородой. Смешной, черт. Сверх счетчика знаешь, сколько дал? О! Сумму не назову, вдруг ты из налоговой инспекции. Много вас таких в Колымагах, оборотней симпатичных, – он подмигнул мне в зеркало. – Так вот... Сам он из наших будет, правда, теперь в Канаде живет. Всю дорогу рассказывал про свою жену. Имя у нее еще какое-то змеиное: не то Гадюка, не то Кобра. Представляешь, она его бросила, рога с другим мужиком наставила, а он к ней назад приехал – мириться-жениться и все такое. Все в Канаде бросил и приехал. Вот и не верь после этого в любовь. Даже подарок этой змее подколодной привез – колечко обручальное, с камушком. Затейливый такой перстенек. С зеленым камнем. Сразу видно, не новодел. Ты чего, плачешь?

– Соринка в глаз попала.

– Бывает. У моей тоже, что ни повод, то соринка. Бабы они и есть бабы – чуть что, сразу плакать. Ну, все, красавица, приехали! Вот твои Колымаги.

Глава 2

Этого момента я боялась больше всего. Кларе и Карлу за семьдесят. Для своего возраста они выглядят и чувствуют себя великолепно. Однако любое потрясение может стать причиной сердечного приступа. За Клару я особенно беспокоилась, зная, как она была привязана к своему непутевому внуку. Отъезд Иванова старики пережили тяжело: потребовалось немало времени, чтобы они вышли из глубокой депрессии и вернулись к нормальной жизни. Я давно заметила: чтобы избавиться от неприятных мыслей, старики пускаются на различные авантюры. Помню, как-то Клара заподозрила своего мужа в измене с кассиршей из ближайшего супермаркета. Кассирша исполнилось сорок пять лет, и по мысли Клары, эта краснощекая пухлая ягодка являлась для нее очень опасной конкуренткой. Дескать, на тридцатилетних дед внимания не обратит – слишком молоды, а вот на такое чудо обязательно клюнет. В качестве вещественного доказательства выступали… магазинные чеки. Дело в том, что обслуживая деда, дама все время ошибалась, причем в его пользу. Иногда она просто пробивала ноль и отдавала Карлу покупки даром. Подозреваю, что дед вводил кассиршу в ступор своими армейскими анекдотами, от которых в нашем доме даже цветы вянут, а рыбки обнаруживают, что разучились плакать. Лично я, когда дед рассказывает очередную шутку, готова снять с себя последнее, лишь бы он замолчал. Представляете Жванецкого, который говорит «Э-э» через каждое слово, причем каждое второе «э-э» вряд ли можно назвать цензурным. Вполне понятно, почему несчастная дамочка за кассой, заслышив сакраментальное «приходит прaporщик Рабинович к поручику Ржевскому», выбивала на аппарате странные суммы, стремясь поскорее отделаться от докучливого покупателя. Но разве объяснишь это ревнивой жене? Тем более, если жена уверена: анекдоты ее муж рассказывает блестящие. По крайней мере бабуля всегда хохочет, когда слышит про похождения поручика Ржевского. В общем, Клара вбила себе в голову: «Виновен!» А раз виновен, пора подумать о наказании. Поговорив с потенциальной разлучницей, она только укрепилась в своих подозрениях. Услышав про деда, кассирша впала в истерику: «Видеть его не могу! Сделайте хоть что-нибудь!» Бабуля решила сделать широкий жест и пожелала «молодым» супружеского счастья, выстроенного на ее старых костях.

Чтобы забыться и пережить виртуальную измену мужа, Клара пошла на курсы экстрасенсов. И добилась небывалых успехов: благодаря телекинезу в нашем доме летали тарелки, прыгали ножи, а крокодил заговорил человеческим голосом. Я его понимаю: в то время вонь в доме стояла страшная. Бабуля постоянно варила отворот из конского навоза и листьев базилика, который пробовала на несчастном крокодиле. Немудрено, что Гена взял за привычку выползать в коридор и громко жаловаться домочадцам на свои пищеварительные и обонятельные проблемы: «Ой! Ой-ой-ой!» Увидев страдания Гены, дед наотрез отказался пробовать отворот, невзирая на слезные уговоры всего семейства. Семейство хотело только одного – поскорее забыть весь этот кошмар.

На соперницу Клара навела порчу: теперь при виде деда кассирша билась в эпилептическом припадке. Нам пришлось сменить супермаркет и уговорить бабулю заняться чем-то более приятным, нежели гадания на силосе и приготовление отворотных средств с помощью конского навоза. К счастью, старушка послушалась мудрого совета и записалась на курсы по вождению мотороллера. Дед вернулся в лоно семьи, и на короткое время мы все вздохнули с облегчением. Потом Клара увлеклась мойщиком машин с бензоколонки, и вся история повторилась, но уже в обратном направлении.

Каждая авантюра стариков есть не что иное, как ответ на стресс. Защитная реакция организма. Но сейчас об авантюрах и речи не идет. Наверняка у нашего дома сутками дежурит «скорая». Еще бы, потерять единственного внука! Такое горе любого выбьет из равновесия.

...«Скорой» у ворот не наблюдалось, вместо нее выбрировала небольшая разноцветная очередь. Я растрогалась: настоящие друзья даже в горе не забывают! Наверное, пришли выразить соболезнования и попрощаться с покойным. Минуточку! Но почему их не пускают в дом? И почему в очереди оказались одни женщины? В душе всколыхнулась запоздалая ревность. Иванов и половой аскетизм – вещи несовместные, но я в жизни не поверю, что он смог соблазнить такое количество красивых молодых женщин. Это невозможно, потому что этого не может быть. И никто не убедит меня в обратном.

Такси давно уехало, так что волочь чемодан к воротам пришлось самой. Я попыталась обогнуть живую колонну и пройти к дому, но потерпела сокрушительную неудачу. Очередь оказалась не только разноцветной, но и очень нервной.

При ближайшем рассмотрении дамочки оказались не такими уж красивыми и молодыми. Однаково заштукатуренные лица, легкая озлобинка в глазах и выставленные напоказ пожухлые прелести говорили сами за себя – хочу замуж! Судя по нервозности, царившей в очереди, дамочки остро переживали пик своего желания. То есть замуж они хотели прямо здесь и сейчас и, пожалуйста, поскорее. В качестве объекта сгодился любой мало-мальски привлекательный мужчина. Поэтому мое появление (да еще с чемоданом) было воспринято как вторжение соперницы, от которой требовалось избавиться как можно скорее:

– Куда лезешь, корова! – И почему в женском лексиконе слово «корова» выражает высшую степень оскорбления?

– От коровы и слышу. Лезу в дом! – не осталась я в долгу. Еще не хватало пасовать перед собственным крыльцом. За дверью меня ждут Гена, Жбан и горячая ароматная ванна. – Пропустите!

– Так мы тебя и пустили! Становись в хвост! Мы тут уже с утра стоим.

Хороший аргумент тот, который сбивает тебя с ног. Данный аргумент был просто отличным: мы тут с утра стоим. Ну и что? Если им так понравился наш дом, пускай и дальше стоят, мне не жалко. Может, кто-нибудь от зависти и скончается. Я сделала еще пару попыток затаиться в ряды женского движения – результат оказался таким же. Растерянно посмотрела на родные пенаты. Черт подери, что тут происходит? Соня открыла салон красоты? С нее, честно говоря, становится. Тетка помешана на рецептах Клеопатры, Нефертити и прочих дам, оказавших существенное влияние на развитие косметологической индустрии. Но чтобы она решила сделать счастливыми столько бабонек одновременно, в это ни за что не поверю. В душе тетка эгоистка, но никак не альтруистка.

Упорства мне не занимать. Однако сделав еще несколько попыток проникнуть в дом через парадные ворота, я поняла, что это невозможно. Рассерженные фурии стойко держали оборону. Подумав, я встала на чемодан (все равно он испорчен) и посмотрела на дом через ворота, благо они у нас невысокие.

М-да! Похоже, я недооценила силу воли своих стариков. Над крыльцом красовалась яркая растяжка: «Брачное агентство “Гименей отдыхает!” Гименей отдыхает, мы работаем! Справки по телефону...» Ага, телефон наш. Дамочек провожали в дом по одной, выходили же они через черный ход. Хм, может, и мне этим воспользоваться? Только сначала нужно перелезть через забор. Тряхнем стариной, Эфа? Тряхнем!

Сначала я перекинула чемодан. Картинка маслом: силач Бамбула поднял четыре стула... Судя по жалобному стуку, чемодан в данный момент уже агонизировал. Жаль! Еще месяц назад это была стильная и очень дорогая вещь. Теперь ваш выход, маэстро! Я подтянулась на руках и повисла безвольной тряпкой. Еще одну попытку, скандирует зал! Я собралась с силами и на второй раз с трудом перебросила тело через забор, едва не порвав джинсы. Через пять минут уже была на своей половине дома. Бросила чемодан в прихожей. Убедилась, что все цветы погибли (конечно, поливать их никто сюда и не приходил), мебель покрылась слоем

пыли. Ну и родственнички у меня! Сплошные забота и внимание. Гименей, говорите? Посмотрим, какой такой Гименей. С мобильного я набрала наш номер. Ответила Соня:

– Добрый день, вы позвонили в агентство «Гименей отдыхает!». Вы сделали правильный выбор. Только мы сможем решить все ваши проблемы.

– Это вряд ли, – буркнула я.

– Почему вы так категоричны? – голос тетки как расплавленный сахар был липким и приторным.

– Потому что такие родственники, как вы, означают постоянную мигрень и перманентные проблемы.

– Эфка, это ты?

– А кто же еще?

– Ты где?

– В Караганде, блин! – вызверилась я. – Что у вас здесь творится? Какие-то бабы у ворот, в дом меня не пустили. Пришлось как вору через черный ход пробираться.

– Так ты у себя, – догадалась Соня. – Подожди, я сейчас приду и все тебе объясню. Только ты сюда не ходи, здесь сейчас полный дурдом.

Успокоила, нечего сказать! Ладно, посидим, подождем визитеров на своей законной половине. Архитектура нашего дома особенная. Условно говоря, он разделен на две половины. У каждой свое крыльцо и свой отдельный вход. На одной живут все мои родственники, на другой – я. Правда, это не мешает родичам приходить ко мне покушать, посплетничать и посмотреть телевизор в мое отсутствие. На все упреки они невинно отвечают: мы – семья, у нас все общее.

Надо отдать должное тетке: сегодня она не копалась, а примчалась через пару минут. Видимо, ситуация была намного серьезнее, чем я предполагала.

– Эфа, ты только не сердись, – сказала она, обнимая меня. – Мы не знали номер твоего рейса, поэтому и не встретили (зачем тогда я телеграмму отправляла, спрашивается?). Наши еще не знают, что ты приехала. (Ну, конечно, не знают, просто не хотят знать.) Ну-ка покажись: выглядишь не очень (с учетом того, что мне пришлось прервать свой отпуск, я, конечно, выгляжу не очень). Плохо отдохала? (Отдохала хорошо!) Устала? (Перелезь через забор, а после задавай подобные вопросы!) Ты мне подарок привезла? (Я же говорила!) Красивый? (Только попробуй сказать, что он тебе не нравится!) Ой, я как раз такое и хотела. (Слава богу, угодила!) Умница!

– Отниму, если не объяснишь, что здесь творится, – пригрозила я после того, как тетка облачилась в бесформенную майку с надписью: «Афродита».

– Мы открыли брачное агентство! – торжественно возвестила Соня. – Была замечательная презентация, приехало телевидение, нас всех показали в вечерних новостях. Правда, потом телевизионщики прислали счет за услуги, но думаю, теперь, когда ты вернулась, мы сможем решить эту маленькую проблему. Ведь ты по-прежнему распоряжаешься деньгами в нашей семье, а доходов «Гименей» пока не приносит. Но обязательно принесет, вот увидишь, Достаточно посмотреть в окно, чтобы в этом убедиться. Видишь, сколько желающих!

– По-моему, вы спятали! – грустно констатировала я, выглянув в окно. Очередь стала заметно длинней. – И кто же из вас работает свахой на дому?

– Мы. Все. Представляешь, несколько дней работы, а у нас уже есть пара заявлений в загс. И это не предел. Дай нам только развернуться, и мы весь город переженим (какая жуткая картинка). А все старики, они «Гименея» придумали!

– Допустим, Гименея придумали древние греки. Клара и Карл опоздали со своей новаторской идеей.

– Зря иронизируешь, – обиделась тетка. – У них знаешь, как башка варит? Как сковорка от Мулинекс или Тефаль. Я всегда их путаю. Клара тут даже книжек по маркетингу наку-

пила. Только читать времени нет. Клиент попер, как рыба во время нереста. Оказывается, в этом сезоне очень модно жениться. Кстати, ты у нас почетная клиентка.

– Расшифруй, пожалуйста, что такое быть почетной клиенткой, – попросила я, чувствуя, что проблем в моей жизни с каждой минутой становится больше. Ехала на похороны – прибыла на свадьбу.

– С удовольствием. Тем более, что без тебя нам не обойтись. Слушай внимательно и запоминай. Ты – невеста номер один. Ольга – невеста номер два. Она хотела быть первой, но дед сказал, что ты главное. Ты – наше брачное ноу-хай.

– То есть? – ситуация оказалась намного сложнее, чем представлялась с самого начала. – Брачное ноу-хай? Вы меня что, запатентовали?

– Хорошая идея! Надо старикам сказать. А то столько желающих перебежать нам дорогу. В общем, объясняю. Понимаешь, такого, как ты, нет ни у одной брачной конторы. Благодаря тебе, мы придумали рекламную фишку: жена, которая делает своих мужей богатыми. Причем только тогда, когда они уже с ней разведутся. Мужики слетелись как саранча. Все хотят быть богатыми и холостыми. А поскольку на лицо ты вполне, да и фигурка не подкачала, то жениться на тебе пока что никто не отказывается. Про твой отвратительный характер мы не говорим. После свадьбы узнают. Как тебе идея? Правда, блеск? Бестселлер. Мы свою историю во всех газетах опубликовали. От мужиков телефон дымится. В общем, теперь выбираем самого достойного и перспективного. Дальше просто: ты выходишь за него замуж, потом разводишься. Он быстренько богатеет и начинает оказывать нам материальную помощь. Рекламный ход – закачаешься!

Большего идиотизма в жизни не слышала.

– Эфа, доверься профессионалам! (Видали, профессионалы нашлись!) На вас с Ольгой сегодня самый большой спрос. Клара специально отсев проводит, чтобы вам лучших женихов найти. Ольга, правда, на Федорова запала, ну, помнишь, на оперуполномоченного, который тебя чуть в тюрьму не посадил за убийство твоего босса? Но он тебя ждет. Видимо, в тюрьме опять свободные места образовались. Значит, так, принимай душ – и вперед, на встречу с будущим мужем. У нас как раз один такой, перспективный, сейчас анкету заполняет.

– Повторяю: мне женихи не нужны.

– Тебе, может, и не нужны, а семья нуждается в новом источнике дохода. – И после паузы все-таки добавила: – Иванова больше нет. Денег стало меньше. Расходы растут.

– Не думала, что вы такие меркантильные!

И тут тетка неожиданно заплакала:

– Эфочка, не разгоняй агентство. Старики на «Гименее» только и держатся. К вечеру так устаешь, что с ног валяешься. Думать уже не хочется. Вдобавок Клара вбила себе в голову, что они с дедом стали для нас обузой. Хотят, зарабатывать деньги, чтобы не быть тебе в тягость.

Ради стариков я решила сменить гнев на милость:

– Ладно, показывай вашу брачную контору. Но учти, замуж все равно не пойду! Даже не упрашивайте!

Глава 3

Первым, кого я увидела в нашем доме, был оперуполномоченный по особым делам Федор Федоров. Наши отношения складывались весьма непросто: сначала он обвинил меня в двух убийствах¹, в ходе расследования мы оба испытали нечто похожее симпатию, но затем вдрызг разругались. Повод не хуже любого другого: я – богачка, он – бедняк, нам не встретится никак. Не скрою, был момент, когда я искренне поверила в то, что Федоров станет моим четвертым мужем. Но… не срослось. Может, оно и к лучшему. Если я после нашей ссоры переживала всего два часа, то вряд ли нас связывала любовь. Сегодня месяц, как мы не разговариваем. И мне от этого ни жарко ни холодно. Ну, почти не жарко и почти не холодно.

Федор Федорович встретил меня по-мужски: спрятал за спину листок бумаги с логотипом брачной конторы (неприлично пузатый мужик, обвитый цепями – вылитый гегемон в оковах капитализма) и отвернулся! Я сделала ответный ход – прошла мимо, даже не поздоровавшись: еще чего, много чести! Скажите, пожалуйста, какая цаца! Мысл!

В гостиной кипела работа. Кандидатки топтались на пороге, ожидая своей очереди. Важная баба Клара за компьютером подыскивала претенденткам наиболее подходящие кандидатуры. Дед проверял клиенток на честность (после службы в разведке ему это раз плюнуть). Клиентки строили Карлуше глазки и тем самым нервировали Клару. В качестве мести старушка подыскивала развратницам самых непрезентабельных женихов.

Соня и Фима взяли на себя сложнейший процесс подготовки невесты или жениха к встрече со своим будущим счастьем. Фима отвечал за психологию, Соня – за внешний вид. Невесты и женихи безропотно выполняли все рекомендации сотрудников «Гименея». «Женюсь? Женюсь! Какие могут быть игрушки?» – воскликнул король Генрих, когда голова Анны Болейн скатилась с плахи. У клиентов «Гименея» в благополучном исходе своей затеи сомнений не возникало. Они были в нем уверены.

Завидев меня, Клара сухо кивнула и, не отрываясь от компьютера, дала ценные указания:

– Завтра начнешь встречаться с женихами. Подойди к Соне, она даст тебе телефон косметолога и стилиста. Совсем в своей Греции опустилась. Черная как головешка, волосы выгорели, нос облез. Стыдись, Эфа, ведь ты – наша визитная карточка.

– Здравствуй, бабушка, рада тебя видеть. – Черт, как же спросить про похороны Иванова, ладно, времени нет, попробуем сразу с места в карьер: – Я, собственно, вот по какому вопросу…

Спросить я не успела. Мне заткнули рот и потащили как мууху из сказки – в уголок. Справедливости ради стоит отметить, что муха сопротивлялась как могла. В частности, укусила мягкую ладонь. Ладонь дернулась и освободила рот:

– Какого черта!

– Тише! – бледный Федоров оглянулся по сторонам. Наверное, именно так наши прадедушки искали шпионов в своих домах. Активно и безрезультатно.

– Оригинальный у вас способ мириться, Федор Федорович! – прошипела я, отплевываясь. Руки у Федорова пахли машинным маслом, которое, признаться, я не очень люблю. Говорят, в нем очень много канцерогенов и этого… холестерина. Увидев такую демонстрацию искренних чувств, Федоров обиделся:

– Я с вами и не собирался мириться, Стефания Андреевна! Просто вы не в курсе последних событий. Мы все оберегаем покой стариков. Одно неосторожное слово – и нам снова придется звать врача для Клары Михайловны. В этом доме об Иванове не говорят.

---

¹ См. роман «Робинзон по пятницам».

– Ценю вашу заботу, Федор Федорович, – съязвила я. – От нашей семьи большое вам спасибо. Но если все будут молчать, проблема не исчезнет, не так ли? Иванова все равно придется похоронить по-человечески. Или вы не согласны? Предпочитаете, чтобы он и дальше мерз в городском холодильнике?

Федоров обиженно заморгал:

– Разве вы не знаете?

– О чем?

– Но… ведь его уже похоронили. Несколько дней назад. На этом настояла Клара Михайловна. Странно, что никто из родственников вас не поставил в известность об этом печальном событии. Похороны были очень скромными и тихими. Сразу же после похорон ваша родня открыла агентство «Гименей отдыхает». Была презентация. Они пили и танцевали. Как сказал бы психолог, налицо посттравматический шок. Но лучше такой шок, чем капельница в больнице. На сегодня все ваши домочадцы пришли в себя. Как видите, отбою от клиентов нет. Дело процветает.

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, – беспомощно всхлипнула я. – Я даже его проводи-ить не успела… Даже не попрощалась… Ваня-ечка! И отдохнуть толком не успела! Почему я такая невезучая? – я зарыдала в полный голос, не забывая краем глаза наблюдать за реакцией Федорова.

Что остается мужчине, когда он видит плачущую женщину? Причем женщину, которая ему далеко не безразлична. Разумеется, он попытается ее обнять ее и как следует утешить. Федоров не стал исключением. Обнял и начал утешать. В процессе мы помирились. Досадный повод для ссоры был благополучно забыт.

– Ну, теперь рассказывайте, – приказала я через полчаса. Мы уже переместились на мою половину и теперь пили вино на кухне.

– О чем? – удивился немного разомлевший Федоров.

– Об убийстве моего мужа.

– Вашего бывшего мужа, – напомнил педантичный опер. – А с чего вы решили, что я в курсе?

– Иначе, что вы делали в агентстве «Гименей»? И не надо сказок, что просто решили заполнить анкету, воспользовавшись гибкой системой скидок.

Федоров так покраснел, что я заподозрила неладное. Судя по всему, он действительно решил попытать счастья в сомнительной конторе моих родственников. Интересно, а кто невеста? Не может быть! И тут же себя оборвала: Эфа, даже не мечтай! Отставить романтические мысли! Первым делом, преступление, ну а Федоров потом.

Глава 4

Иванов вернулся на родину теплым летним днем. Свалился родственникам как снег на голову – без телеграммы и звонка. Просто вошел в дом и сказал: «Привет!»

Когда первая эйфория улеглась и Клара и дед отплакали свое, стариковское и родственное, Иванов поинтересовался, куда, собственно, делалась его бывшая жена. Мол, он приехал не в гости, а насовсем – к своей законной супруге. Тот факт, что законная супруга, то есть я, успела еще два раза сходить замуж, Ивана нисколько не волновал. Мы оба совершили ошибку, расставшись, и теперь только в наших силах эту самую ошибку исправить. В общем, настроен Иванов был весьма серьезно. В качестве доказательства предъявил бархатную коробочку, в которой мерцало кольцо с изумрудом. Ольга презрительно фыркнула, предположив, что колечку – грош цена. Подумаешь, несколько тысяч долларов. Разве это деньги? Иванов оскорбился и устроил неприятную сцену, во время которой все присутствующие узнали, что больше года живут на его, Иванова, деньги. Вечер воспоминаний явно не удался. Незваный гость напился как свинья и отправился храпеть на половину супруги. Старики долго извинялись перед остальными участниками семейного шоу, а участники их утешали, как могли. Мол, что с внуков возьмешь, тем более таких – м-м, слишком уж экстравагантных.

– А вы откуда знаете такие подробности, Федор Федорович?

Федоров опять покраснел:

– Я присутствовал при этом. Случайно в гости зашел.

«Ну, чисто как дети!» – сказал Распутин, доедая пирожное в доме Юсупова. Не умеет Федоров врать, хотя по роду службы вроде и должен обладать подобным навыком. Ах нет! «Случайно в гости зашел!» Как же, как же... Случайно только дети получаются, да и то не у всех. Однако забавный фортель выкинула судьба: познакомив человека, которого я когда-то очень любила, и человека, который чуть было меня не посадил. Причем о факте знакомства судьба почему-то забыла предупредить. А я меж тем лицо, если не главное, то по крайней мере заинтересованное.

– И?

– Ну и встретились мы с вашим бывшим. Хоть о покойниках и не принято плохо говорить, однако личность была отвратительная. И что вы в нем нашли, Стефания Андреевна? Рыхлый. Наглый. И с бородой.

И чем ему не угодила борода? Для многих женщин растительность на лице партнера – сексуальный стимул (допинг?). Вечно я путаю эти понятия. Но факт остается фактом: жесткие волоски способны пробудить эрогенные зоны даже у Снежной королевы. Хотя, признаюсь, борода Иванова меня всегда раздражала своей неухоженностью и колючестью. Не борода, а чертополох какой-то. Все равно – чертополох, куделя или губка для мойки посуды – это была мужнина борода. Кто дал право так плохо Федорову отзываться о покойном? Такое право есть только у ближайших родственников: у меня и старичков. Впрочем, мотивы Федорова понятны.

Я еще не встречала ни одного мужчину, который бы отозвался о бывшей пассии своей возлюбленной мало-мальски положительно. Мы, например, изощряемся в комплиментах: «Дорогой, как я понимаю тебя! Мимо такой женщины не пройдешь: глаза как у золотой рыбки, такие же выпущенные; ножки тоненькие, стройные, как у паучка. А какая у нее грудь! Ушки кокер-спаниеля просто отдыхают». Мужики скроены по-другому: что думают, то и говорят. «Он же идиот (урод, дебил, свинья и т. д.) и что ты в нем нашла?!» – самая распространенная оценка. Но когда женщина влюблена, она разве думает, что ее избранник идиот (урод, дебил, свинья и т. п.)? Интуитивно она, конечно, догадывается об прискорбном факте, но времени на то, чтобы свести воедино логику и чувства, нет. Сначала чувства, потом логика. И все ради

того, чтобы потом выслушивать от последующего претендента на руку и сердце: «Он же идиот (урод, дебил, свинья и т. п.), и что ты в нем нашла?!»

Видимо, Федоров считает меня своей собственностью уже процентов на шестьдесят, раз позволяет себе столь скоропалительные оценки по отношению к моему бывшему. С одной стороны, приятно, с другой – обидно – неужели я любила столь ничтожное существо. Ведь осо-бой скорби у родственников я не заметила. Так воспринимают смерть едва знакомого человека: жалко, конечно, выполним свой последний долг – и все, баста, жизнь продолжается. Факт любопытный: значит, за эти несколько дней произошло нечто такое, заставившее Клару и Карла изменить свои чувства к внukу. Пожалуй, вот с кем стоит потолковать тет-а-тет. А пока продолжим беседу с лучшим опером страны:

– Ваши оценки, Федор Федорович, меня нисколько не интересуют (вру, конечно, но разве он проверит?). Что было дальше?

Иванов прожил на моей половине несколько дней. К старикам он являлся пьяный и наг-лый. Постоянно требовал меня. Пару раз ему кто-то звонил по телефону. Отвечал Иванов однозначно и несколько испуганно. Встревоженная Клара обратилась к Федорову с просьбой поговорить с внуком и наставить его на путь истинный. Федоров, естественно, согласился. Он очень любит наставлять на путь истинный. Зануда, каких еще поискать! Однако разговор так и не состоялся, поскольку Иванов пропал. Вещи, документы остались, а Иванов и кольцо бес-следно исчезли.

Впрочем, справедливости ради скажу, что бесследно исчезло только кольцо с изумру-дом. Иванова нашли. На скамейке. В сорока километрах от Петербурга. На маленькой станции под названием «Горы». Труп обнаружила дежурная и сразу же вызвала милицию.

– Может, сердечный приступ? – наивно предположила я.

Федоров отмахнулся:

– Если нож в сердце вы считаете сердечным приступом, то, конечно, ваш бывший муж скончался от сердечного приступа. Только от очень острого сердечного приступа.

– Кто это сделал?

Федоров хмыкнул и сделал попытку погладить меня по руке:

– Удивительно, но именно этот вопрос задают каждый раз, когда происходит убийство.

Я всегда даю один и тот же ответ: не знаю. Следствие установит.

– А кольцо действительно пропало?

– Да. Мы просмотрели вещи. Впрочем, у меня большие сомнения насчет ценности этого кольца. Судя по всему, у покойного были большие комплексы. Я заметил, что он любил при-хвастнуть.

А вот голословных обвинений не надо! Иванов, конечно, считался записным хвастуном, но ко всему, что касалось денег, относился более чем серьезно. Деньги для него были фети-шем. Поэтому, если сказал про ценность кольца, значит, в данном вопросе ему стоит доверять. Может, именно здесь и надо искать мотив убийства?

Но разве можно говорить с влюбленным мужчиной о чем-то важном? Разумеется, нет. Пришлось перейти на сомнительное чирканье и цитирование классиков: «Я помню чудное мгновенье...» На «мимолетном виденье» мы решили сделать паузу и еще немного подумать о своих чувствах. Прощаясь, мы застряли в коридоре. Причина – поцелуй. Как сказали бы в самом откровенном ток-шоу: мы никак не могли сделать это. Федоров топтался в коридоре, не решаясь приблизиться ко мне. Я мечтала, чтобы он поскорее ушел – страсть была сейчас последним делом, о чем я беспокоилась. В общем, прощание вышло как в проходном советском кинофильме: мы пожали друг другу руки и разошлись. Только когда за ним закрылась дверь, я сообразила: на «ты» мы так и не перешли. Кошмар! Теряю квалификацию. Нужно срочно выпить. Вино всегда помогало очистить сознание и принять верное решение. Однако перелет и стресс сделали свое дело: не успела я подумать, как неприлично наклюкалась.

Зачем Иванов сюда приехал? – мысль, не дававшая покоя. В Канаде у него был неплохой бизнес, вменяемая женщина, и дом, купленный в кредит. Неужели все это великолепие он был готов променять на отсутствие работы, отсутствие жены и дом в Колымягах, чужой ему по определению? Верится с трудом. Значит, существовало нечто такое, заставившее сорваться с насиженного места и вернуться в исходную точку А. Любовь? В зале – гомерический хохот. Мы развелись более пяти или шести лет назад. Все время забываю. Надо бы в паспорт заглянуть и уточнить. Вряд ли по прошествии столь долгого времени у Иванова возникли романтические намерения. Не верю! Не верю! Романтика и Иванов – как тропики и мороженое, представить их вместе, конечно, можно, но только не в этой жизни. Более циничного человека я не знала. Даже в период ухаживания он умудрялся превратить любое романтическое действие в отвратительный фарс. Помнится, я попросила кофе в постель. Нет проблем. Он принес. Чашку растворимого пойла и два толстых куска вареной колбасы. А потом искренне удивлялся, почему я запустила в него сначала кофием, а затем колбасой. И так во всем.

Выпроводив Федорова (что уже сродни подвигу), я быстро обыскала свои апартаменты. Охотно верю, что Иванов провел свои последние дни именно здесь. В раковине грязная посуда, под креслами фантики и рваные газеты, апельсиновые шкурки. Кошмар, у меня даже тараканы появились! Ну что за человек! Сколько себя помню, где Иванов, там и тараканы. Они что его, по запаху находят?! Вещей у моего бывшего мужа было немного. Хотя не исключено, что основной багаж сейчас томился на чердаке. Я бегло просмотрела содержимое спортивной сумки. Ну-ну! Он остался верен себе. Иванов как Есенин привез на родину грязные шелковые рубашки и носки. И больше ничего. Я аккуратно сложила вещи в сумку, как вдруг услышала стук в дверь.

На пороге стояла Клара, она заговорщицки спросила:

- Тебе не кажется, что нам нужно поговорить?
- Сама к тебе собиралась. Проходи.

Бабушка прошла в комнату, и при электрическом свете я увидела, как она постарела за последние недели:

– Знаю, можешь даже ничего не говорить, – предупредила она мой вопрос. – Выгляжу очень плохо. Спортзал забросила, в бассейне две недели не была. Смерть Ивана далась очень тяжело. Хотя Иваном этого человека назвать было очень сложно.

– То есть?

Она тяжело опустилась на диван:

– Плесни и мне вина. С тобой выпью. Понимаешь, когда расстаешься с близким человеком, подсознательно прощаешься с ним навсегда. Даже если он вернется, все придется начинать заново. Заново узнавать друг друга, приоравливаться к чужим привычкам, вспоминать старые шутки и фотографии. Что же касается Ивана, то мы ему с дедом только мешали. Как и остальные вокруг. Поэтому он и сбежал от нас, – Клара глубоко вздохнула. – Эмиграция стала прекрасным выходом для всех: вроде бы он жив, здоров, счастлив и вместе с тем его нет. Виртуально он давно для нас умер. Как и для тебя, Эфа. Давай посмотрим правде в глаза: он умер в тот момент, когда сел в канадский самолет.

– Но теперь он вернулся, бабушка, – мягко напомнила я.

– Он прибежал, поджав хвост, – резко парировала Клара. – И как трус спрятался за женскими спинами. Так Ваня поступал с самого детства: натворит бед, а потом ведет себя как дите малое-неразумное: «Ой, это не я! Ой, бес попутал. Спасите! Помогите!» И мы, дураки старые, помогали. Из каких только передряг его не вытаскивали. Сколько авантюри было в его жизни. Так ведь сейчас не восемнадцатый век! Это тогда авантюристы были в почете, а сейчас на любое правонарушение ответ один – закон. А вот с законом он как раз и не ладил. Единственным мудрым поступком Ваньки стала женитьба на тебе, за это я ему могу многое простить.

Потеряла внука, нашла любимую внучку. – Она замолчала в нерешительности, но затем продолжила:

– Ты ведь не знаешь главного… На следующий день после приезда Иванова нам звонила его канадская дама сердца.

– Вернись, я все прощу? – улыбнулась я, вспомнив амурные подвиги бывшего мужа.

– Если бы! Она холодно проинформировала, что после того, как этот русский мучачос сбежал, прихватив ее деньги, к ней в дом наведались другие русские мучачос. В результате, дома у канадской дамы больше нет, а сама она находится в больнице. Еще вопросы есть?

– Если учесть, что слово «мучачос» обозначает женщину, то понятно, какого мнения эта дама была о нашем Ваньке. В любом случае не знала, что в Канаде женщины знают слово «мучачос».

– В Канаде женщины и не то знают. У них на все один ответ «mental cruelty». На сексуальные домогательства, немытую посуду, на отсутствие комплиментов. Не нравится ей поведение мужчины, она тотчас же звонит в 911 и говорит кодовую фразу: «Он меня mental cruelty». Далее следует наказание: несколько суток тюремного заключения и разбирательство в суде.

– Следует понимать, что mental cruelty – сродни духовному изнасилованию?

– Каждая канадская женщина вкладывает в данное понятие свое значение.

– Немудрено, что Иванов там заскучал.

– И вляпался в очередную авантюру, которая весьма скверно пахнет.

– Но теперь об этом можно забыть. Ване уже ничем не поможешь. – И не выдержав укорила: – Могли бы хоть меня дождаться с похоронами.

Клара поморщилась:

– Не до тебя было. Я специально ускорила все процедуры. Ваньке действительно ничем теперь не поможешь, а нам что делать прикажешь?

– Мы здесь при чем?

– При том! Про колечко слышала?

– Он об этом даже таксисту похвастался.

– Идиот! – простонала Клара. – Весь Питер в курсе. Знает один, знают два, знают двадцать два. Значит, пора готовиться к приему гостей. И не могу сказать, что сей факт внушиает мне большую радость.

На мгновение мне показалось, что Клара от горя повредилась в рассудке. Какие гости? На дворе без пяти минут полночь. Однако дальнейшие события показали, что мышление Клары острее, чем бритва. Да и соображает она намного быстрее, чем я. Что ни мысль, то мозговой штурм:

– Ты электронную почту смотрела? – деловито спросила она, осушив второй бокал вина и промокнув губы салфеткой.

– Нет конечно, я же только сегодня вернулась.

– Посмотри, – приказала бабушка.

Включить компьютер и вбить пароль – минутное дело. На экране поползли сообщения. Спам, приветы от институтских коллег, слезные просьбы студентов не отчислять их с факультета и…

– Вот оно! – торжествующе воскликнула Клара. – Я так и думала.

Тема сообщения: «Новую жертву заказывали?»

Текст сообщения: «Прими соболезнования. Собаке – собачья смерть. Воры – воровская. Если не отдашь, будут новые жертвы».

Адрес отправителя: doctorsmert@rambler.ru

– По крайней мере у отправителя есть чувство юмора, – заметила я. – Доктор смерть, надо же до такого додуматься. Где-то я уже слышала такое сочетание.

– Книжек надо меньше читать, – огрызнулась Клара. – Ничего смешного я в этом не вижу. Тебе угрожают.

– По-моему, это глупая шутка, – я постаралась успокоить встревоженную бабулю.

– Хороша шутка – нож в сердце. Эфа, пойми наконец, кто бы ни был этот Доктор смерть, у него самые серьезные намерения. Ваня очень боялся. Он даже к двери не подходил. Повсюду таскал за собой Гену, словно крокодил мог его защитить. Думаю, что пил и хамил он исключительно от страха.

– Ну, хорошо, допустим, Иванов натворил дел в своей благословенной Канаде и приехал сюда прятаться. Допустим, он подставил меня, дав понять русским мучачос, что у его бывшей жены есть то, что их так интересует.

– Ты не догадываешься, что именно? – прищурилась Клара.

– Абсолютно.

– Тогда читай, – Клара привычно вбила адрес в поисковую систему. На экране появилась надпись: «Роковые драгоценности». Еще несколько ударов по клавишам, и я увидела изображение кольца. Большой, светло-зеленый изумруд в необычной золотой оправе, словно опутанный тонкой паутиной. Рядом с картинкой – текст. Прочитав, я присвистнула от удивления.

– Не свисти, денег не будет, – Клара укоризненно посмотрела на меня. – Теперь все понятно?

– Почти. – Мне стало не по себе. – Во что мы вляпались?

– Вляпались мы, детка, в очень скверную историю. Как видишь, биография у камушка весьма непростая. Одни имена чего стоят: Лукреция Борджа, Эдгар По, Эва Перон… Да и цена, даже по самым приблизительным подсчетам, немалая. Миллионы. Все-таки, изумруд Лукреции, – она брезгливо взглянула на экран компьютера. – Так что выход у нас, Эфа, один. Найти перстенек раньше, чем его найдет наш загадочный Доктор смерть. Иначе вся семья в скором времени окажется там же, где и Иванов. На кладбище. Какие будут предложения? Давай решай, что мы будем делать?

Особенно мне понравился вопрос «Что делать?». Не мудрствуя лукаво, Клара потребовала с ходу дать ответ на философскую категорию, которая вот уже без малого двести лет является камнем преткновения для любого просвещенного человека. А просвещенных людей в нашей стране не так уж и мало. Если даже Николай Гавrilovich по этому поводу не смог сказать ничего вразумительного, то чего вы ждете от нетрезвой женщины из XXI века? Опыт предыдущих товарищей подсказывал – надо выпить. Хорошее вино прочищает мозг и внушает оптимизм, главное – знать меру. Под неодобрительный взгляд Клары я снова сделала хороший глоток и задумалась. Может, скинуть все проблемы на Федорова, раз он для нашего семейства стал практически родным? Пускай порасследует это загадочное дело в свободное от работы время. А я заодно посмотрю, серьезные у него намерения или так себе, на время:

– Федор Федорович знает?

– Знает, но не верит. Говорит, что если кольцо такое драгоценное, то вряд ли Ваня смог бы его провезти через границу, – вздохнула Клара.

– Будто на нем написано, что это изумруд Лукреции, – фыркнула я. – При желании по воздуху и слона можно перевезти, никто не заметит. Просто Федорову Иванов не нравится. Он как лев, пытается уничтожить следы своего соперника.

– Где? – Клара с подозрением посмотрела на недопитый бокал вина. – Где уничтожить?

– Во мне! – Я гордо оглядела себя в зеркале. – Львы всегда так поступают. Уничтожают семя соперника, а заодно и его приплод. А Федоров по знаку зодиака как раз и есть тот самый Лев. У них с Ивановым полная зодиакальная несовместимость. Я проверяла.

– Проверяла она! Ложись-ка спать, – Клара подтолкнула меня по направлению к спальне. – Ты переутомилась. Плохо соображаешь.

– Кто? Я!!!

Наверное, я действительно плохо соображала, поскольку мгновенно провалилась в черную дыру сна.

Глава 5

«Изумруд – самая редкая и наиболее ценная разновидность берилла. Свой таинственный “изумрудный” цвет камень получил из-за присутствия в своем составе хрома (ванадия). Бездефектные кристаллы весом выше 5 карат (1 г) ценятся выше равновеликих алмазов. Их стоимость на мировом рынке может доходить до 25 тыс. долл. за грамм. Первым драгоценным камнем, на который обратил внимание человек, был изумруд. История зеленого камня исчисляется тысячелетиями. Особенно популярным он был в Древнем Египте, где его считался “камнем бессмертия”. Изумруд же стал одним из священных драгоценных камней на панцире Аарона, первого верховного священника Израиля. Христиане видели в изумруде символ воскресения, а последователи пророка Магомета почитали его за зеленый “священный” цвет. В греческой и римской мифологии древние связывали смарагд с именем Венеры, богини любви. В Индии верили, что изумруд обладает некой волшебной силой и позволяет узнавать будущее. В Бразилии изумруд почитался как талисман удачи, обладая которым можно не волноваться за свое будущее. Ныне главными поставщиками изумрудного сырья на мировой рынок считаются Танзания, Замбия, Зимбабве, Колумбия, Бразилия и Урал».

Все-таки правильно говорят, книга – источник знаний. Едва проснувшись, я бросилась в библиотеку Фимы, где иногда можно найти самые неожиданные работы. Например, парочку советских изданий, посвященных истории драгоценных камней. На их изучение у меня ушло все утро. Подумать только, насколько меркантильными могут быть люди: вместо того, чтобы описать мерцающие грани какого-нибудь «Кохинора», авторы углубились в дискуссию о порочной системе капитализма, не позволяющей честным советским гражданам покупать бриллианты на тринадцатую зарплату.

Вооружившись нехитрыми познаниями о различных системах государственного строя и распечатав на цветном принтере изображение знаменитого кристалла, я уже битых два часа бродила по ювелирным магазинам, рассматривая колечки, серьги и браслеты, выложенные на бархате. Не обошла своим вниманием и ломбарды. Увы, безрезультатно! А чего я, собственно, хотела? Поймать вора и убийцу с поличным в тот момент, когда он будет сдавать кольцо в скупку? Или увидеть изумруд Лукреции среди стандартных бриллиантов? Эх! А ведь какая красивая была версия: кража, замаскированная убийством! Рано или поздно убийца решит продать камушек, вот тут-то его и надо поджидать. Наверняка, в городе есть ювелиры, скучающие краденые ценности. Воображение услужливо подкинуло картинку: сидит в магазине седенький дедок и спрашивает каждого вошедшего: «Нет ли у вас чего-нибудь красивого и незаконного на продажу?» Втереться в доверие к такому старичку пара пустяков: и вуала, убийца уже за решеткой!

Если бы все было так просто! Никто не спешил мне навстречу, никто не задавал наводящих вопросов, да и седеньких старичков я тоже не увидела: за прилавками скучали худощавые блондинки. И где их только штампуют в таком количестве? Пришлось делать вид, что я интересуюсь ювелирной модой. Признаться, интерес у меня получался на удивление плохо: вместо обсуждения каратов и стоимости изделий, я то и дело скатывалась на криминальную хронику: «А вот помните, как в 1975 году обокрали Пассаж? Унесли драгоценностей на миллион рублей». Поскольку блондинки появились на свет гораздо позже, то в большинстве своем оставались равнодушными к моим словам, предлагая примерить «вон то симпатичное колечко». Правильно говорил Миллер, тяжело работать с непрофессионалами.

В каждом магазине приходилось примерять все эти колечки, брошки, серьги и цепочки. С ума сойти, как, оказывается, человек любит украшения! Впрочем, на это есть свои причины. Возьмем для наглядного примера дикий мир природы. Там все продумано до мелочей, даже

окрас животных и птиц, который одновременно является и маскировкой, и украшением. Тигр, к примеру, щеголяет яркими полосками; рысь – элегантными кисточками на ушах, змея – удивительным узором на стройном гибком теле. В общем, каждый зверь, каждое насекомое может при случае похвастаться чем-нибудь эдаким в своей внешности. Даже таракан! Где еще вы найдете такую гладкость и насыщенный рыжий цвет?! Спрашивается, что осталось человеку? Кожа да пучок волос. К тому же пучок имеет склонность со временем редеть и становиться тусклым и некрасивым, кожа покрывается морщинами и пигментными пятнами. Все это заставило гомо сапиенса напрягать свой ум и придумывать, как исправить сию вопиющую несправедливость. Мне кажется, что украшения появились именно из-за неутолимого желания стать красивым и привлекательным для представителей другого пола. Немудрено, что за несколько тысячелетий украшения прошли свой эволюционный путь.

Интересно, а какими были первые украшения рода человеческого? – задумалась я, примеряя коралловое ожерелье с острыми зубчиками.

– Неужели вы этого не знаете, – заулыбалась продавщица в элитном магазине на Невском проспекте. – Ведь так просто догадаться. Золота не было, серебра тоже, куда ни посмотрим – везде дикие животные. Что оставалось человеку? Правильно – использовать когти и клыки убитых зверей. Первобытные люди считали, что такие ожерелья охраняли человека от злых духов и придавали ему небывалую ловкость и силу. Конечно, со временем примитивные вещицы всячески шлифовались и менялись. Так, появились браслеты, кольца, затем пришла пора для тонко заточенных булавок. В Древнем Египте, к слову, с их помощью закрепляли длинный парик; в Греции – ими скальвали пеплос, это такая разновидность хитона. Я читала, что именно такой булавкой разъяренные греческие матроны как-то с легкостью закололи сильного воина. Интересно, чем он греческим бабонькам не угодил?

– Понятно, чем, – хихикнула продавщица на улице Марата. – Попробуй-ка, сразу осчастливь такое количество женщин! Посмотрите, вот у нас золотые булавки, сделанные по римскому образцу. Можете попробовать их на своем любовнике. Сразу почувствуете себя гречанкой. Вот где были настоящие женщины, не то, что в Риме. Так это опасное оружие мгновенно превратилось в милую безделушку: с помощью длинных костяных и медных шпилек знатные римлянки укладывали башни завитых волос. Выглядели они при этом очень забавно!

– Да что там римлянки! – пропел рафинированный мальчик на Гороховой. – Вот кельты, это да! Вот где феерия функциональности и стиля, вот где настоящее проявление мужественности. Такие мужчины, просто ах! Между прочим, дама, у кельтов, викингов и англосаксов сложились свои понятия о красоте. Каждое украшение имело свой сакральный смысл, считалось магическим и оберегало жизнь и здоровье владельца от вмешательства потусторонних сил. Застежки, подвески, пояса в виде переплетенных цепочек, кольца украшались рунами и изображениями духов зверей. Вот такой подход мне по душе: всегда относился с уважением к талисманам и амулетам.

У меня кружилась голова от полученных знаний, но продавцы, словно сговорившись, вываливали на меня информационный мусор.

– У нас особые украшения, – уговаривала меня худенькая девушка в ювелирном бутике, – они вобрали в себя все мировые тенденции. Знаете, что по ним многое можно сказать об обычаях и традициях народа. Скажем, в XV–XVII веках модные аксессуары не только подчеркивали женскую красоту и мужскую привлекательность, но и указывали на социальное положение человека, который их носил. Действительно, того, у кого на туфлях блестели бриллиантовые пряжки, трудно было назвать бедняком. Не так ли? Посмотрите на эти пряжки! По-моему, они достойны, чтобы украсить ваши туфли.

– Подумаешь, пряжки! Главное – заколки, – не согласилась с девушкой ее товарка. – В Средние века особое внимание уделялось волосам. Поскольку распущенные развевающиеся волосы были отличительным признаком ведьмы, то порядочные женщины делали все, чтобы

скрыть локоны и кудри от любопытных глаз. Вот вас, дама, сразу же пригласили бы на костер. Рыжие кудри – признак ведьмы. Это не укор, это комплимент. Сегодня все любят ведьм. Женщина, постойте! Примерьте вот эти изумительные заколки для волос. Видите, как переливаются бриллианты?! Нам сейчас намного легче, чем дамам прошлого. Ведь у них на создание прически порой требовалось несколько часов. Представляете, сидишь восемь часов перед зеркалом – бац. А день-то уже кончился! Для знатных дам в качестве «маскировочных» средств предлагались красивые валики, покрытые жемчужной сеткой; венцы с коробочками, куда убирались косы; не менее популярным был и венец с рогами, на которые накидывалась тонкая прозрачная вуаль. Выглядели дамы весьма экстравагантно, но на мой взгляд, не слишком привлекательно. Глядя на картины той эпохи, так и хочется сказать: «Идет коза рогатая».

– Нет-нет, красавица, вам пойдут украшения, стилизованные под эпоху Возрождения, – уверял меня кавказский толстячок в небольшой лавке. – В эпоху Возрождения в украшениях стали появляться античные и римские мотивы. Это ваш стиль, это ваш образ. Посмотрите, какая тонкая работа. Прямо как в стародавние времена. Богатые люди жить не могли без толстых золотых цепей, перстней с изображением античных богов, тонких ожерелий, стилизованных под работы стариных мастеров. Как я их понимаю… Не правы те, кто считает, что старинные кольца и броши далеки от совершенства, а их форма и камни слишком грубы и плохо обработаны. Что вы так на меня смотрите? Думаете, что на Кавказе только про баранов знают? Я, между прочим, читал мемуары Челлини. – И скромно добавил: – В оригинале.

Посетив еще парочку магазинов, я узнала, что настоящий взрыв в моде произошел во время царствования короля Солнца – Людовика XIV. К каким только вариантам не прибегали придворные, чтобы вызвать восхищение в глазах короля. Перья, искусственные и настоящие цветы, драгоценные камни – все шло в ход. Мода на одежду и аксессуары менялась так часто, что человек, рискнувший уехать из Парижа на месяц, возвращался обратно уже в безнадежно устаревшем костюме. Немудрено, что ювелиры, перчаточники и портные сколачивая себе небывалые состояния, удовлетворяя взыскательный вкус королевского двора.

В отделе экстремальных украшений (есть у нас, оказывается, и такие) сообщили, что особого внимания сегодня, впрочем, как и всегда, заслуживают траурные кольца. Смертность в стране большая. Так что нужно позаботится об этом заранее. Как наши предки, например. Поскольку траур по усопшему длился целый год, то его ближайшие родственники должны были носить черную одежду и особое траурное кольцо, которое выдавалось им сразу же после погребения. Со временем траурная индустрия приобрела большой размах, как бы там ни было, но эти предметы символизировали человеческое отношение к смерти. Мастера на траурных кольцах изображали скелеты, гробы, кресты и все, что относится к кладбищенской тематике, нередко привнося в них элемент юмора и здорового цинизма. Вот это можно было бы взять на заметку. В XIX веке выпуск траурных аксессуаров стал массовым, эти предметы были обязательны для всех социальных слоев. Но для богатых людей подобные вещицы по-прежнему делались на заказ: кольца заменили дорогие броши из золота, эмали и черного оникса. Траурное кольцо мне сейчас бы не повредило. Однако то, что предлагают современные ювелиры, вряд ли придется по вкусу. Таскать на себе вот этот оскаленный череп с двумя рубиновыми глазками? Б-р-р! Увольте.

В одном из торговых комплексов я сломалась и решила взять тайм-аут в небольшом кафе. Интересно, откуда столь обширные познания? Неужели все продавцы организованно посещают курсы квалификации и слушают лекции по истории украшений? Верится с трудом, но кто знает, может, это действительно так? Надо же чем-то занимать покупателя, пока он делает сложный выбор между тем бриллиантом и этим рубином! Если я права в своих догадках, то скоро милый сердцу шоппинг превратится в пытку: продавцы, кассиры, охранники будут состязаться друг с другом в остроумии и полученных знаниях. Вообще в истории костюма меня больше привлекает конец XIX века – особая страница в истории украшений. На эту тему

я даже курсовую в институте писала. Было дело. Небывалую популярность снискал жемчуг, им расшивали вечерние платья, украшали перчатки, из него делали пуговицы. Чрезвычайно распространенными были броши, изображающие цветы и насекомых. Украшением служили птичьи перья и тонкое кружево. Красота! На протяжении XX века отношение к модным аксессуарам менялось на глазах. То отдавалось предпочтение гарнитурам из драгоценных камней самых известных ювелирных фирм, то золото и бриллианты провозглашались устаревшими пережитками прошлого, и люди ратовали за дешевую и практичную бижутерию. Что касается последнего, то бесменным фаворитом здесь стала Чехословакия, наладившая массовый выпуск сверкающих безделушек, стилизованных под Картье. В середине 80-х в СССР чешская бижутерия шла нарасхват, считаясь признаком вкуса и достатка в доме.

В XX веке было все: и военные брошки, сделанные вручную из пробок от бутылок; и безвкусные бриллианты величиной с грецкий орех, сверкающие на жилистом пальце; бисерные и кожаные фенечки, которые мастерили себе хиппи; наконец, странные массивные железяки и цепи, коими молодежь, украшала себя от уха до пяток. Сегодня мода лояльна и демократична. Приветствуется все, что нравится. Правда, на нашем рынке по-прежнему господствуют китайские и итальянские штамповки. Во всех магазинах, где я сегодня побывала, продавцы, словно сговорившись, уверяли, что на Западе, который все еще является координатором моды, настоещее золото, серебро и платину никто не носит. Дескать, богатые люди предпочитают стильную бижутерию, а драгоценности хранят в сейфах. Вот дураки, правда? Посмотрите, какие очаровательные бриллиантики! Примерьте, они вам так к лицу. Как приятно общаться с состоятельными покупателями, которые к тому же обладают столь изысканным вкусом.

За изысканный вкус спасибо, не ожидала получить такой фальшивый комплимент! Что касается бриллиантов, то выбор был просто великолепным, чего не скажешь о пресловутых смарагдах. Пару раз я перепутала их с хризолитами и была вынуждена ретироваться – сконфуженная и злая. В магазине на Невском после того, как я попросила «точно такой же, но только в четыре раза крупнее и зеленее», мне открытым текстом рекомендовали отправиться в Эрмитаж, в Золотую кладовую. Если и не куплю, так хоть насмотрюсь вдоволь, благо там есть, из чего выбрать.

Я давно заметила, что самые умные люди в нашей стране – это продавцы. Они всегда знают, куда и насколько послать надоедливого покупателя. Эрмитаж! Видели! Они бы меня еще в Лувр направили: там тоже есть достойные предметы искусства, на которые стоит посмотреть. Улыбка Моны Лизы, например! Хотя мне больше по душе улыбка Чеширского кота. Помоему, она намного философичнее, чем уголки губ Джоконды. Тебя нет, а улыбка осталась.

Хотя, если поразмыслить, идея с посещением Эрмитажа не так уж и плоха. Именно об этом я размышляла, облачаясь в бесформенные войлочные тапочки. Когда б еще нашла время на посещение музея? Понятное дело, что не в этой жизни. У меня не остается времени подумать о диете, где ж тут задаться вопросом о спасении души с помощью высокого искусства?! И вообще я все больше скатываюсь в массовую культуру: популярная музыка, любовные романы, яркие таблоиды, мелодрамы сомнительного происхождения и карнавалы. В общем, налицо все признаки массового человека. Наверное, с позиции завзятого интеллектуала, мои вкусы – верх безвкусицы, но... Это «но» я всегда ощущаю на модных тусовках, где разговоры то и дело крутятся вокруг загадочного «постмодернистского контекста». Что это за штука и с чем ее едят, мне никто не может объяснить. Но почему-то современную жизнь принято рассматривать именно с точки зрения этого таинственного «постмодернистского контекста». Поэтому я лучше побуду массовым человеком, лишь время от времени интересующимся элитарным искусством. Так проще.

...Тапочки то и дело сваливались с туфель. Я останавливалась, заново изучала сложную войлочную конструкцию, а потом пыталась их закрепить с помощью двух драных веревочек, переживших не одно поколение туристок на каблуках. И каждый раз терпела поражение. Вер-

вочки норовили развязаться в самый неподходящий момент. Наконец я с трудом доковыляла до билетерши:

– Да ты не ходи, а скользи, – пожалела меня ярко-рыжая бабулька, оценив мои буйные тициановские кудри. – Тут все скользят.

– А если не получится? – прошипела я, в очередной раз приложивая левый тапок. – И кто только придумал эту музейную обувь.

– Умные люди придумали! – обиделась билетерша. – Не чета тебе. Не можешь как все, тогда вставай на цыпочки.

Ну-ну! Цыпочки оказались не лучше тапочек. В Египетском зале я плюнула на этикет и сняла туфли, оставив войлочную обувь около саркофага жреца Па ди Иста. Может, она ему еще пригодится? Как раз вчера в самолете прочитала очередную историю об этой несчастной мумии. По прогнозам одного из доморощенных египтологов, Па ди Ист вот-вот восстанет из мертвых и пойдет мстить Петербургу за плохое с ним обращение. На моей памяти Па ди Ист принимает такое решение достаточно регулярно, раза два в год – весной и осенью. Понимаете намек? На него тоже действует перевод часов. Только в этот раз он что-то поторопился. Видать, совсем невмоготу стало. Оно и понятно, возраст насчитывает тысячелетия, залежался поди. Может, когда-нибудь жрец действительно решит размять старые кости. Дороги у нас плохие, для мумифицированных ножек не привычные. Вот тут-то тапочки и пригодятся.

Наверное, со стороны отсутствие обуви на моих красивых ножках выглядело неприлично, но, честно говоря, я наслаждалась новыми ощущениями. Гладкие прохладные полы, мраморные ступени, мягкие ковры и шелковые чулки итальянского производства – полный гламур! Так я и вошла в Золотую кладовую: держа в руках остроносые туфли на высоченных каблуках. Мне повезло: шла экскурсия. Я незаметно пристроилась рядом и терпеливо рассматривала романовские диадемы, броши и фермуары. Красиво, не спорю! Но где же знаменитые изумруды?

– В Британском музее естественной истории, –казалось, экскурсовод даже не удивился моему вопросу. – Именно в Лондоне находится самый крупный и известный смарагд – изумруд герцога Девонширского. В 1831 году был подарен доном Педро, бывшим императором Бразилии, шестому герцогу Девонширскому. Цвет этого камня – классический для изумруда, темно-зеленый. Весит он почти 1384 карата. Однако для ювелиров этот кристалл не представляет особой ценности: в нем слишком много трещин.

– А поближе ничего нет? До Лондона долго добираться, – огляделась я по сторонам.

– Поближе – только Алмазный фонд. Там представлены ограненные изумруды, в том числе и великолепный «колумбиец» – знаменитая «Изумрудная таблица». Изумруд относится к числу регалий русского двора. Высота шесть сантиметров, вес – 132,25 карата. Подойдет?

– Я подумаю, – после продавщиц в ювелирных магазинах этот музейный червячик был мне не страшен. – Значит, в Питере ничего достойного нет? Правильно я понимаю?

Он невозмутимо оглядел меня, не оставив без внимания и босые ноги:

– Правильно понимаете. Не холодно?

– Прохладно. Но зато полы в полном порядке. – Судя по всему, мой ответ экскурсоводу понравился. Похоже, у всех сотрудников музея сохранение полов в их первозданном виде давно стало идеей фикс.

– А почему вас так интересуют изумруды? Купить хотите? – с ума сойти, он даже хамил интеллигентно. Я улыбнулась, дав понять, что по достоинству оценила шутку:

– Только посмотреть. Драгоценные камни женщине должны дарить мужчины. К сожалению, финансовое состояние моих мужчин оставляет желать лучшего.

– Сочувствую, – он снова оглядел меня, теперь уже снизу вверх. – Но здесь вы состоятельный мужчину вряд ли найдете.

– А изумруды?

– Изумруды тоже вряд ли найдете. Их мало и они мелкие. Вас же, насколько я понимаю, интересуют крупные камни?

– Честно говоря, меня интересует изумруд Лукреции. – И я ткнула ему под нос изображение камня.

Уф! Произнесла! И тем самым подтвердила, что подобная проблема все-таки существует. Изумруд Лукреции. А ведь еще вчера я не верила в этот бред. Мой собеседник задумчиво окинул взглядом резко опустевший зал. Только мы и драгоценности.

– Знаменитый камешек. И что же вас интересует?

– Все!!! – выдохнула я сексуальным контральто. Если сейчас он попросит денег, дам не раздумывая. Если попросит чего-нибудь еще, то, пожалуй, возьму тайм-аут. Секунды на две. А потом... Все, что угодно за информацию!

– Подождите минуту, – бросил мне экскурсовод и скрылся в служебном помещении. Я осталась в полутемном зале одна: за стеклом загадочно мерцали бриллиантовые слезы, рубиновые капли и сапфировые гроздья. Я невольно сравнила их с ювелирными штамповками, которые примеряла не далее как два часа назад. Среди них попадались красивые безделицы, но и только. Посмотрел и забыл. У этих украшений была история, в них до сих пор жила душа. Пожалуй, я впервые поняла, что, значит, стать их рабом. Стоит мне примерить вот это бриллиантовое ожерелье, и я уже не смогу с ним расстаться. Или розовые слезки-серьги. Чьи ушки они украшали? Да, в доме Романовых было особое отношение к ювелирным украшениям. Больше всего мне нравятся истории о подготовке царских невест к свадьбе. Например, все царские невесты в день свадьбы надевали серьги Екатерины Великой – настоящее произведение искусства из бриллиантов и изумрудов. Серьги закрепляли золотой проволокой, иначе они своей тяжестью могли разорвать мочки ушей. Правда, счастья они не принесли никому, впрочем, как и другие царские сокровища.

Чтобы не потерять свой блеск, драгоценные камни должны постоянно соприкасаться с человеческим телом. Если этого не происходит, они умирают. Так по крайней мере утверждали древние алхимики. Мертвый камень раскалывается на части и тускнеет. Мертвый жемчуг становится желтым. Драгоценным камням, как и людям, отмерен свой срок. Если так, то изумруд Лукреции можно считать долгожителем.

– Вот, держите! – давешний экскурсовод протянул мне изящную визитную карточку. – Этот человек знает об изумрудах все. Правда, не факт что он захочет с вами разговаривать.

– Почему? – удивилась я.

– Вы слишком эксцентричны! – поморщился музейный работник и, заложив руку за спину, привычно заскользил по натертому полу. Тапочки на нем держались как родные.

Я взглянула на карточку: Иаков Мендельсон, ювелир. И номер мобильного телефона. Что ж, посмотрим, какой такой Мендельсон!

Глава 6

Оказавшись на улице, я позвонила. И почти тут же испытала разочарование. Кто бы сомневался: в данный момент абонент находился вне зоны досягаемости. Вот так всегда: хочешь здесь и сейчас, получаешь – там и когда-нибудь потом. Впрочем, что мешает мне позвонить господину Мендельсону завтра? Тем более что пока я бродила по Золотой кладовой, наступил душный июльский вечер. Пора бы вернуться в свои Колымяги. Однако предварительно стоит подкрепиться. «Привет, мой сладкий! – сказал Карлсон Малышу. – Как долго ждал я этой встречи!» При мыслях о еде, мой желудок встрепенулся раненой птицей: наконец-то хозяйка за ум взялась. А то с утра обезжиренный кефир и два капустных листа.

Вот дела: ресторанов пруд пруди, а выбрать не из чего. Ведь помимо хорошей кухни мне еще нужен и отличный сервис. А то, бывает, закажешь закуску, горячее и десерт, так тебе сначала десерт приносят – его готовить не надо. На домашние харчи я и не рассчитывала. Дома хоть шаром покати. Я еще вчера заглянула в родственный холодильник и поняла: обедами и ужинами в этом доме больше не пахнет. На нижней полке в гордом одиночестве красовалась засохшая редиска, на верхней – тосковал пакет кефира четырехдневной давности. Да и домочадцы выглядели так, будто недавно вернулись со стажировки, проходившей в жарком Сомали. Что поделаешь, когда ты вершишь чужие судьбы, нужды собственного желудка отходят на второй план. Зная упрямство своих родичей, я знала: скоро в нашем городе ожидается брачный бум. То-то владельцы свадебных салонов порадуются! А вот владельцев ближайших супермаркетов придется огорчить: на нас не рассчитывайте! Мы голодаляем ради высокой идеи! Долой вереницу тележек с продуктами у маленького, но скромного семейного джипа!

После долгих мытарств, когда желудок уже пел свою лебединую песню, я набрела на небольшой, но очень уютный ресторанчик. Еда была вкусной, сервис – отменным, тишина – умиротворяющей. За бокалом вина я постаралась привести взъерошенные мысли в относительный порядок. И, прежде всего, определить свое отношение к происходящему. Отношение, мягко говоря, не очень хорошее. В первую очередь оно касалось личности бывшего мужа. Даже после смерти Иванов продолжал впутывать меня в свои проблемы, словно их было мало еще в жизни?! Вспомнить хотя бы как я выплачивала за него долги, вызволяла из вытрезвителя. Или, скажем, тот случай, когда Иванов возомнил, что страдает синдромом ХУ. Он мне тогда так и заявил: «Иногда жизнь высасывает из нас все соки. Остается лечь – и умереть». Разумеется, я не могла допустить, чтобы он умер (лежать он давно лежал – на диване – уставившись в потолок). После консультации в частной клинике выяснилось, что Иванов страдает чем угодно, но только не синдромом хронической усталости. Хроническая усталость была у меня. От мужа, от его многочисленных друзей-философов (именно с тех пор Иммануил Кант занесен в список личных врагов), наконец, от сомнительных авантюристов Клары и Карла. До сих пор не пойму, как я выжила: в конце концов можно было скинуть Иванова с дивана, лечь и умереть.

И все-таки я очень переживала, когда муж подал на развод. Еще бы, воспитанная в духе тургеневских барышень, я собиралась с ним прожить до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Смерть разлучила. В наследство достались Ванькины проблемы. Где ж он умудрился добыть изумруд Лукреции? На дороге такие камушки не валяются. Интересно, он догадывался об истинной ценности подарка?

Допустим, перед отъездом мой бывший попал в нехорошую историю. Вернувшись в Россию, он наивно полагал, что в Колымягах его точно не найдут. Хм! В Питере можно найти кого угодно, главное – задаться целью. А уж Колымяги это или Озерки – неважно.

Из аэропорта Иванов ехал на такси. Значит, его никто не встречал. Клара сказала, что несколько раз Иванову кто-то звонил по телефону. После этих звонков Ванька напивался и боялся. По опыту знаю, что попойки Иванова всегда были ответом на сильный стресс. Между

прочим, после нашего развода он встал на путь трезвости, из чего я сделала нелицеприятный для себя вывод: главным источником раздражения и стресса для него служила моя персона. В нашей супружеской жизни он не просыхал.

И все-таки неясно: что ему понадобилось на станции «Горы». Для встреч место не очень подходящее: час езды от Петербурга. Да и то, электрички здесь не всегда останавливаются. Будь моя воля, я бы плонула на эту историю и постаралась бы обо всем забыть. Но как быть с Кларой? Она убеждена, что нам всем грозит опасность. Сама я в это не особенно верю, но покой бабули – святое. На Федорова рассчитывать не приходится: во-первых, засмеет, во-вторых, у него и без того дел по горло. На память пришло сообщение за подпись Доктора смерть. Может, студенты развлекаются? И тут же сама себе ответила: смысл? Смысла и логики в подобных развлечениях не вижу. Эх, если бы знать, с кем в последнее время общался Иванов, было бы намного легче. Однако если вспомнить, что Иванов был хакером, и, судя по доходам, весьма неплохим хакером, определить круг его знакомств вообще не представляется возможным. Звонить в Канаду его пассии также весьма проблематично: где теперь ее найдешь, когда от дома остались одни головешки. М-да, куда ни кинь, всюду клин. Остается искать изумруд Лукреции. Уверена, что это замечательное колечко Иванов вез в подарок кому угодно, но только не мне. Наверняка, вез на продажу. Следовательно, нужно искать покупателя. Как там говорила Элиза Дулитл? «Кто шляпку спер, тот и тетку пришил». С другой стороны, неужели в цивилизованной Европе или вбалмошной Америке не нашлось достойного покупателя?

Я неторопливо шла по направлению к метро. Белые ночи уже приобрели новый оттенок – теплый бархат южных ночей. В воздухе пахло пивом, потом и надвигающейся грозой. Ускорила шаг и вскоре была уже в вестибюле станции. Жетон, парочка «желтых» изданий, и вниз по лестнице, ведущей вверх. Уже в вагоне я раскрыла одну из газет в ожидании новой порции сплетен и слухов. И замерла. Потому что увидела себя. Точнее, собственную фотографию годичной давности. Фото мне не очень нравилось, но проблема состояла не в этом. Проблема заключалась в тексте. Под крупным заголовком – «СВАДЕБНЫЙ ДЖЕК-ПОТ» шло пространное интервью с сотрудниками брачного агентства «Гименей отдыхает!». Все они убеждали читателя, что все в жизни поправимо, не стоит отчаиваться даже тем, кому немного за тридцать. Шанс удачно выйти замуж или жениться всегда есть. Причем у каждого. Следовательно, грех этим шансом не воспользоваться. Загляните в брачное агентство «Гименей отдыхает!», и вскоре будете примерять обручальное колечко. Для потенциальных невест предлагались перспективные женихи изо всех уголков мира, для женихов – предлагалась я, так сказать, во всей своей природной красе. Моему будущему мужу обещали блага цивилизации и скороспелое богатство. Плюс жаркие страстные ночи. Оказывается, я мастерски владею сексуальными техниками народов мира – от классической «Камасутры» до южноафриканского племени ой-ё! От жениха требовалось всего ничего: жениться на мне, заключив предварительно брачный договор, пожить где-то с полгода, после тихо мирно развестись и отбыть за границу. Прочитав интервью, я почувствовала себя упитанной золотой рыбкой, молча исполняющей любые мужские желания. Впрочем, и царевна-лягушка – неплохой образ. Тоже молчаливый. Если вспомнить первоисточник, то она выполняла за дурака-мужа все домашние обязанности, а по ночам, скинув зеленую шкурку, еще его и ублажала по полной программе. Заботливые родственнички, ничего не скажешь. Интересно, как они поташат меня в загс: на аркане или же сделают милость – предварительно дадут убойную дозу снотворного?! Я торопливо пролистнула второе издание: и тут то же самое. «НЕВЕСТА С ДВОЙНЫМ ДНОМ». Убивать надо за такие заголовки! Я поймала себя на мысли, что незаметно пытаюсь ощупать собственное тело в поисках загадочного двойного дна. Ужас! Углубившись в чтение, я узнала о себе кучу новых фактов, примерно из той же оперы, что и «двойное дно». Так-так, похоже, кое-кого ждет очень серьезный разговор. Я еще понимаю, когда родня посягает на мое финансовое благополучие: теоретически они на это имеют право, но терпеть вмешательство в мою личную жизнь не буду.

При выходе из метро я не поленилась и просмотрела всю прессу за неделю. Результат – сродни набату. Не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по тебе! Я представила гору мужских носков, вечно развязывающиеся галстуки, батарею пивных бутылок, залежи газеты «Спорт-экспресс», жареную картошку в десять часов вечера и содрогнулась. Мне снова придется прятать любовные романы под ванну, отвечать на вопросы «Где была?» и «Что делала?»; готовить завтраки-обеды-ужины и не спать по ночам. Все вышеперечисленное – мой жизненный опыт – багаж, который я с честью вынесла из трех замужеств. А что потом? Потом он со мной разведется. На мою голову свалятся новые родичи, новые проблемы и затяжная депрессия. Я опять буду терзать себя вопросом: почему меня, такую красивую, умную, сексапильную, владеющую сексуальными техниками народов мира – от классической «Камасутры» до южноафриканского племени ой-ё, банально бросили через шесть месяцев после замужества!

Не-е-ет! Не дождется!

Понятно, в каком состоянии я оказалась в Колымагах. Нервном. Я мечтала о немедленном отмщении. Не заходя домой, сразу же бросилась на половину родственников, благо ключ от двери пока что имеется. В доме стояла подозрительная тишина. Впрочем, темнота была не менее подозрительной. Из чего я заключила, что никого из сотрудников «Гименея» нет дома. Нас нет дома! Нет дома нас! Где же вы, черт вас побери! Испарились, что ли? Или черт поборал? Ладно, поговорю с ними завтра, а пока... приму ванну и почитаю новенький любовный роман.

Никогда ничего не планируйте, все равно из этого ничего путного не получится. Тезис, пригодный на все случаи жизни. И, кстати сказать, очень правильный. Даже если план очень хорош, всегда найдется парочка обстоятельств, которые сведут всю его эффективность на нет. Именно поэтому я иронически относилась и отношусь к загадочной kontore под названием «Госплан». Как может государство планировать что-либо, когда его граждане неправляются даже с тем, что записано у них в ежедневниках?! Я – не исключение. Напротив, меня можно считать классическим подтверждением озвученного правила. Если я что-нибудь запланирую, это не сбудется. Проверено. Доказано. Причем неоднократно.

Вот и сейчас. Мечтала полежать в ванне и отрешиться от навалившихся проблем? На, получай! В моей гостиной с удобством расположилось все семейство. С удовольствием опустошая запасы моего бара, они проводили собеседование с претендентом на мои же руку и сердце. Претендент, похоже, уже оценил достоинства невесты (внешность, образование, счет в банке и обстановку дома) и теперь обсуждал условия брачного контракта. Иногда обсуждение заходило в тупик, и тогда Клара доставала альбом с семейными фотографиями и начинала убеждать по-новому:

– Посмотрите, Семен Семенович, вот это Эфочки с первым мужем. Правда, прекрасная пара? А вот она со вторым супругом. Замечательно смотрелись вместе, а уж жили-то как хорошо – душа в душу. Не так ли, Соня? Не обращайте внимания, она молчит, потому что с детства немая. О, заговорила! Вы приносите нам счастье, Семен Семенович! Оля, покажи нашему гостю фотографии Эфочки и твоего мужа. Не удивляйтесь, Семен Семенович, мы все здесь родные. Семья, одним словом. Общие радости, общие печали. С вами также будет. Нравится?

– Очень, – восторженно пискнул Семен Семенович, чем-то похожий на подпорченный гриб-боровик, который забыли срезать. – У вас замечательная семья. Жду счастливого мгновения, когда познакомлюсь со своей невестой.

– Зачем же ждать, Семен Семенович? – дрожа от ярости, сказала я, появляясь в дверях гостиной. – Вот она я.

Боровичок подпрыгнул, приглаживая кучевые волосенки, и расшаркался: мол, очень рад, сегодня особенный день, для него праздник познакомиться с такой прекрасной женщиной, как я, он надеется... Господи, на что же он надеется? Ах, да, он мечтает о том счастливом моменте,

когда два любящих сердца будут биться в унисон, и когда... Не без тайного злорадства я прервала поток изъявлений и потребовала объяснений у притихших родственников:

– Прежде всего, почему эта радостная для всех присутствующих встреча проходит в моей гостиной?

– У тебя удобнее, – пробормотала Клара. – Светлее и просторнее.

– Какие еще будут варианты? – я оглядела присутствующих. – Может, вам подсказать? Комфортнее, интереснее, ярче, фантасмагоричнее, неожиданнее, волнующе...

– Стефания Андреевна, – обратился ко мне жених. – Это целиком моя вина. Хотелось посмотреть на то, как вы живете, оценить, так сказать...

– Оценили? – беззлобно поинтересовалась я.

– Конечно, – Семен Семенович запоздало сообразил, что ляпнул лишнее. – Оценил ваш вкус, чувство стиля, стремление к гармонии... В этом доме видна душа.

– И? – я позволила себе кратко улыбнуться. Так улыбается акула, завидев упитанного пловца.

– Я восхищен! Надеюсь, что наше знакомство перерастет в нечто продолжительное и романтическое.

– Это вряд ли, – мой тон был почти миролюбивым. Правда, родственников он в задолжение не ввел. Знают, что провинились и знают, что уже в скором времени будут примерно наказаны. – Видите ли, Семен Семенович, больше всего я ценю в людях вежливость и такт. Ваше вторжение в мой дом вежливостью и тектом назвать никак нельзя. Скорее это хамство и беспардонность. К тому же на первое свидание принято являться с цветами и конфетами. В этом доме помимо указанной души я вижу лишь одинокий кактус. Абсолютно уверена в том, что его принесли мне не вы. Поэтому попрошу на выход. И больше мне на глаза не попадайтесь. Все ясно?

– Но позвольте, – начал боровчик, – я сейчас все вам объясню. Видите ли, мне очень нужны деньги...

– Кому они сейчас не нужны! Но ничем помочь не могу.

– Стефания Андреевна! Они мне нужны по-особенному: срочно и быстро.

– Может, мне срочно и быстро милицию вызвать?

– Не надо, – вдруг обиделся он. – Сам уйду. Я очень в вас ошибся.

В прихожей хлопнула дверь. Из окна я проследила, чтобы мой несостоявшийся муж благополучно покинул нашу территорию, а после обратилась к неугомонной родне:

– На повестке два вопроса: первый – Семен Семенович и все, что с ним связано. Второй – публикация моих фотографий в прессе. Предлагаю подумать на досуге о своем поведении и сделать соответствующие выводы. Сейчас даю пять минут на то, чтобы разойтись по комнатам и лечь спать. Через пять минут отключаю свет и воду. Время пошло!

«Иногда со мной лучше не спорить», – сказала как-то ночью Екатерина Медичи. В данный момент могу с ней только согласиться. Со мной также лучше не спорить. За стеной копошились родственники, пытаясь разобрать постели и почистить зубы в отведенный срок. Хм! Господа, ваше время истекло! Я с нескрываемым удовольствием отключила свет и воду на той половине дома. А затем набрала воду в ванну и скользнула в ароматную сказку. В соседней ванне дремал Гена. На его длинной морде уютно устроился сонный Жбан. Сладкая парочка опять вместе! В который раз я похвалила себя за сообразительность. Когда пару месяцев назад после убийства соседа мне в наследство досталась эта половина дома, встал вопрос о ремонте. Именно тогда я настояла на том, чтобы в ванной комнате были две ванны. Одна для крокодила и жабика, другая для меня. Еще не хватало, чтобы нас испортил ванный вопрос.

В ночной тишине послышался грохот, звон разбившейся посуды и ругань Фимы. Так вам и надо: нечего водить в чужие гости сомнительные элементы. В следующий раз – будут проблемы с канализацией. Это я вам обещаю. «Жизнь-то налаживается!» – воскликнул само-

убийца в районе тридцатого этажа. В доказательство этого тезиса я открыла новый роман о приключениях белокурой Годзиллы – «Суфражистка на западе».

«Как надоели мужчины! – Годзилла с отвращением скинула с себя пьяного ковбоя Мальборо. – Грубые, неотесанные создания! В них нет ни капли... тут она снова посмотрела на спящего ковбоя. Ну да, так и есть. Нет ни капли романтики. Везде одно и то же: сначала они клянутся в верности, затем исчезают в неизвестном направлении. Скучно! “А ведь старость не за горами, – подумала Годзилла, которой месяц назад исполнилось двадцать пять лет. – Пора подумать о себе. Подамся-ка я в племя амазонок по ту сторону Ориноко. Буду сидеть с сестрами у костра, смотреть в звездное небо и думать о чем-нибудь хорошем. Например, о мужских скальпах! Собственно, зачем ждать? Начну, пожалуй, прямо с этого...” – Годзилла достала большой острый мачете и приблизилась к отвергнутому любовнику. Теперь он ей ответит за все!»

Глава 7

Утром принимала делегацию: Фиму и Ольгу. После длительных переговоров обиженная сторона (то есть я) согласилась принять извинения другой стороны (в лице делегатов) и вернуть блага цивилизации. В качестве залога и подтверждения мирных намерений мне вернули ключи от входной двери и торжественно пообещали, что вчерашний эпизод никогда не повторится. Я сделала вид, что поверила. На том и расстались.

Не сомневаюсь, что уже к вечеру родственники найдут способ, чтобы обойти данные клятвы, с них станется. Но пока у меня есть передышка, и этим надо воспользоваться. Я снова набрала номер Мендельсона – та же картина. В какой же недосыпаемости находится этот абонент?! Стоп! Может, он состоит в каком-нибудь творческом союзе? Если так, то информация должна быть в Интернете. Ай да, Эфа! Гениальная голова!

Я включила компьютер и залезла в поисковую систему. Ого! Две тысячи ссылок. Открыв первые десять, я поняла, что в своем расследовании не продвинулась ни на йоту. Иаков Мендельсон действительно был ювелиром и специализировался на изумрудах. На этом ценная информация заканчивалась. В творческих союзах он не состоял, интервью не давал, выставок не устраивал. Работать предпочитал с индивидуальными заказчиками. Даже персонального сайта и того у него не было. В общем, от чего ушли к тому и пришли. Впервые встречаю ювелира, который не афиширует свою деятельность. Хотя, казалось бы, фигура харизматическая (вон какой красавчик!), способностями не обделен, почему бы ему ни заняться собственным продвижением в ювелирном мире?! Ах нет! Судя по всему, он сознательно сторонится публичности. Почему? Не понимаю.

Автоматически я открыла свой почтовый ящик. За минувшие сутки Доктор смерть не дремал. Пятнадцать сообщений: одно хуже другого. Доктор смерть пообещал расправиться со всей родней, не забыв упомянуть Гену и Жбана. Судьба Гены – стать симпатичной сумочкой. Жбана с нетерпением ожидали умелые руки шеф-повара во французском ресторане. Представив своего зеленого принца в кипящем бульоне, я поежилась. Жалко животное! Он-то ни в чем не виноват. Справедливости ради, стоит отметить, что и другим членам моей семьи в грядущем не поздоровится. Доктор смерть оказался на удивление кровожаден. О! Новое сообщение. Шестнадцатое. Это уже по мою душу. Меня разорят и пустят по миру. Хм! С логикой у товарища явная напряженка. Он предлагает взаимоисключающие понятия. Я не видела еще ни одного нищего, который бы путешествовал по миру. Это, во-первых. А, во-вторых, как. Собственно, он собирается меня разорять? Догадываюсь, что способов много, но вот какой выберет мой загадочный адресат? Подумав, я решила вступить с ним в переписку.

Адрес отправителя: efa_prostosuper@yandex.ru

Тема: Какого черта?

Текст сообщения: Уважаемый, Доктор смерть! Хотя я и не испытываю к вам уважения (только идиот может взять себе такой псевдоним), все же правила приличия заставляют обращаться к вам с уважением. Так вот, сколько можно терзать мой электронный ящик. Он, как и мои родственники, ни в чем не виноваты. Вы не могли бы пояснить, что именно вы хотите от меня получить? Может, тогда наше общение станет более конструктивным.

Щелк! И письмо улетело электронной ласточкой. И тут же раздался телефонный звонок:

– Стефания Андреевна, это Николай, заместитель декана по учебной части. Вы не могли бы срочно приехать на факультет?

– Что-нибудь случилось?

– Боюсь, что да. У нас проверка. Из министерства приехали. Требуют вас.

Когда меня избрали деканом факультета культурных отношений, я думала, что попала в служебный рай. Со стороны кажется, что нет ничего лучше, чем руководящая должность. Ни перед кем не отчитываешься, со всех спрашиваешь, придумываешь различные приказы, а время от времени уезжаешь в загадочные командировки. На самом деле, я попала в ад, где царят бардак и бюрократия. Теперь я днями, а иногда и ночами сидела на бесконечных совещаниях, заседаниях, научно-практических конференциях и прочих мероприятиях, вызывающих изжогу. Меня без конца вызывали в вышестоящие инстанции и требовали «привести ситуацию к стандарту». Когда же я просила огласить весь список «стандартов», меня называли разными нехорошими словами и просили не забивать свою хорошенькую головку всякой ерундой. Ну и где логика? Я ведь не против хорошей работы, я просто хочу, чтобы мне не мешали хорошо работать. Как бы не так! Мне постоянно суют оглобли в колеса. То и дело в институте устраивали проверки, запрашивали учебные планы и программы занятий, проводили сложнейшие тестирования как для студентов, так и для преподавательского состава. Помню, какой шок я испытала, когда увидела институтских профессоров и доцентов, заполняющих тест-листы. Шок стал сильнее, когда из министерства пришли результаты. Согласно им практически весь педагогический состав сочли профнепригодным. Я с трудом дожила до отпуска, надеясь, что хоть летом эта катавасия уляжется. Не тут-то было. Несмотря на июль, она продолжается. Я все чаще ловлю себя на мысли, что надо поскорее увольняться.

На факультете царила легкая нервозность, имеющая все шансы перейти в панику. Судя по лицам сотрудников, эта проверка оказалась не только незапланированной, но и довольно опасной для нашего общего благополучия. Подчиненные надеялись на меня, я надеялась на себя. Неплохой расклад для встречи с противником, оценить потенциал которого хватило минуты.

До тридцати не дотягивает. Уже плохо. Терпеть не могу своих ровесников. Предпочитаю мужчин постарше. Блондин. Еще хуже: у меня на них стойкая аллергия! Лицо стандартное, а потому не запоминающееся (на таких смотришь и теряешься в догадках, где видел раньше). Худощавый, но мускулистый, сразу видно, что регулярно посещает тренажерный зал. Не бедствует. Последний вывод я сделала, взглянув на обувь проверяющего. Ручная работа. Цена в районе тысячи у.е. Впрочем, и ботинки, и костюм на нем сидели как-то скованно, такому бы подошла военная форма цвета хаки и армейские ботинки.

– Рад познакомиться, Стефания Андреевна. – Вежливый гад, что уже хорошо. – Меня зовут Вячеслав Янович. Фамилия – Непарада. В ближайшее время нам с вами придется тесно общаться.

– Зачем? – более глупого вопроса в этот момент я не могла задать.

– Затем, чтобы я смог составить положительное мнение о вашем учебном заведении. Такой ответ вас устраивает? Кстати, вы очень красивы. – Последнюю фразу он выпалил помальчишески и сразу покраснел. С каждой минутой он мне нравился все меньше и меньше. Если так и дальше пойдет, то сначала он потребует взятку, а потом пригласит заглянуть к себе в постель.

– Спасибо за комплимент, – я сознательно сделала паузу, чтобы успокоиться. Непарада буквально излучал флюиды опасности и неприятия. При этом он старательно улыбался и делал вид, что я ему очень нравлюсь. Вот это-то меня и смущало. – С чего хотите начать?

– Думаю, нам стоит уединиться в вашем кабинете, чтобы определить график проверки.

– Что, простите, нам нужно определить? – я подумала, что ослышалась.

Он несколько смущился:

– График проверки. Она ведь потребует не один день. Мне кажется, я все правильно говорю, не так ли. – В первый раз такого странного проверяющего вижу, видали, график проверки! – Больше всего меня интересует состояние учебных планов и программ на будущий учебный год. Прошу вас к завтрашнему дню их подготовить. Чтоб нам было гордо.

Чтобы что нам было что?

– Гордо! Я что-то неправильно сказал? – В его голосе послышали нотки угрозы.

– Что вы, вы все понятно и прекрасно излагаете. У вас изумительная речь: чистая, правильная.

– А раз так, то подготовьте все документы к завтрашнему утру, – уточнил обиженный Непарада.

– Все? – надеюсь, в моем голосе не прозвучало того ужаса, который я испытывала на самом деле.

– Конечно, – впрочем, и в его тоне не было необходимой уверенности в своей правоте. На мгновение мелькнуло ощущение, что мы оба дилетанты в этой области, пытаемся произвести друг на друга должное впечатление. Со мной все понятно, но вот с Непарадой… Тьфу, ну и повезло мужику с фамилией.

– Стефания Андреевна, вы же понимаете, что для эффективной работы вам необходимо создать нам оптимальные условия… Проверяющий должен приходить на проверку с чистым сердцем, радостной душой и надеждами на лучшее. Знаете, что говорят у нас в отделе? Ничто так не вселяет уверенность в людях, как своевременная предоплата.

Я сразу поняла, куда он гнет. Чего уж тут не понять. Ситуация стара как мир: дай мне взятку, расстанемся хорошими друзьями. На некоторое время. Человеческая алчность – штука интересная. Жадность – это болезнь. Как, впрочем, и патологическая честность. Аномалия. Ведь нормальный человек чужого не возьмет, но и своего не отдаст. По мнению врачей, абсолютно свободных от психологических отклонений людей в принципе не существует, все мы в большинстве своем – потенциальные воры. Однако и это большинство делится на тех, кто «в принципе может» и кто «делает». Взяточники как раз входят в последнюю категорию.

Психологи утверждают, что угадать желания нечестного на руку начальника или проверяющего можно по мимике и жестам. Если он ерзает на стуле и прикрывает рукой рот – то товарищ обеспокоен и не уверен, правильно ли вы отреагируете на его просьбу. Если потирает переносицу и брови, то это означает следующее: «Я уже дал ему понять, чего хочу. Почему он медлит?» Когда он рисует на бумажке кружочки, крестики, барашков и чертиков, то тем самым предоставляет посетителю время обдумать свое решение. Если уверенно откинулся в кресле и сложил руки – он убежден, что вы в его власти и ни в какую милицию не пойдете.

Еще немного – и Непарада протрет в правой брови большую дырку. М-да, без взятки не обойтись. Хотя шанс, что его только что укусил комар, все же остается. Пусть минимальный, но остается. А если все-таки взятка? Беда в том, что я их совершенно не умею давать. Как это делается? В конверте? Положить ему в карман? В портфель? Дать в какой-нибудь папке? Что же делать? Ладно, для начала дадим понять господину проверяющему, что его намек понят, а дальше будем думать:

– Скажите, Вячеслав Янович, а как-то быстрее нашу проблему нельзя решить? Лето на дворе, сезон отпусков. Народ волнуется.

– Лето – это маленькая жизнь, – он задумчиво посмотрел на меня. – Понимаю (он, оказывается, знает бардовскую песню, вот уж не думала!). Я подумаю, как правильно ответить на ваш вопрос. А пока начинайте готовить учебные материалы к проверке. Встретимся здесь завтра в десять. До свидания.

Эх, и почему мне так не везет? Лежала бы сейчас на пляже, пила бы холодный чай с лимоном и слушала шум моря. Вместо этого – апчхи! – приходится доставать пыльные папки с не нужными никому планами и трястись перед проверяющей комиссией. Заодно бегать по городу в поисках мифического изумрудца. В сердцах я снова набрала номер Мендельсона и вдруг…

– Слушаю вас, – чуть усталый, но очень приятный голос. Прекрасное дополнение к образу делового, но отзывчивого человека.

Волнуясь, я изложила свою проблему. Мол, у меня есть крупный «колумбиец», хочу про консультироваться со знающим человеком о его реальной стоимости. А затем вставить камень в брошь. Господина Мендельсона мне рекомендовали как специалиста экстра-класса, который к тому же умеет хранить конфиденциальность. Мендельсон молчал очень долго, видимо, раздумывая, стоит ли вообще со мной связываться. Я тоже молчала, опасаясь его спугнуть. И наконец услышала:

– Хорошо. Я посмотрю вашего «колумбийца». Записывайте адрес и время. Прошу не опаздывать. Больше десяти минут уделить вам не смогу.

– Большое спасибо, Иаков... Простите, не знаю вашего отчества.

– Еремеевич.

М-да... Иаков Еремеевич Мендельсон. Чудны дела твои, Господи.

Глава 8

Все-таки я идиотка! Дав отбой, я вдруг сообразила, что в моей жизни появились две проблемы. Меньше чем за сутки мне нужно достать «колумбиец» в хорошем состоянии и научиться давать взятку. С чего начнем? Автоматически я взглянула на часы: 17.00. Допустим, всему, что связано со взятками, меня обучит Фима. Ему и не такие уроки приходилось давать. А вот что будем делать с «колумбийцем»? Где ж раздобудешь хороший камень в несколько каратов? Разве что в антикварном магазине. В пятом по счету я задала все тот же вопрос, не надеясь, правда, на ответ:

- У вас изумруды есть?
- Вам поштучно или сразу килограмм?

Вспыхнувшая радость мгновенно угасла. Еще издевается, гад! Тут, можно сказать, человеческая жизнь висит на волоске, а он упражняется в сарказме. Понимаю, что со стороны выгляжу, мягко говоря, не очень умной. Но ведь не для себя стараюсь. Хоть это можно понять? Слышите, я стараюсь не для себя! Борясь со слезами, я отошла к огромной уродливой вазе. Табличка рядом гласила, что это не просто ваза, а ночной сосуд генералиссимуса Суворова. Подумать только, как хорошо сохранился. И годы ему нипочем, и генералиссимус Суворов...

Лавка вообще оказалась весьма любопытной. Помимо описанного предмета в ней обнаружились ярко-алые подвязки Екатерины Великой (не знала, что у императрицы были такие странные вкусы); настоящий дневник князя Юсупова и диванчик мадам Рекамье. Каждая вещь оценивалась в многозначную цифру. И ведь наверняка желающие найдутся. Магазин предоставит сертификат подлинности, который новоявленный хозяин повесит на стенку в рамочке. Пока я знакомилась с предметами глубокой древности, в лавку зашла старушка. Настоящая, питерская. Таких старушек с каждым годом становится все меньше и меньше. Пережив революцию, блокаду, они по-прежнему держат спину и надевают кокетливые шляпки с вуалетками. Помню, как однажды я ехала к репетитору в переполненном троллейбусе. Рядом со мной стояла такая вот старушка. Вокруг кричали, толкались, ругались. Она презрительно молчала. И только на остановке, сделав несколько безрезультатных попыток выйти, она вдруг крикнула: «А ну, кухаркины дети, посторонитесь!» Народ молча расступился. Голубая кровь, белая кость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.